

Емельянов Е.Г.

Куба, далёкая и близкая, всегда со мной

[1 часть](#) | [2 часть](#) | [3 часть](#) | [4 часть](#) | [5 часть](#) | [6 часть](#)

1967 - 1968

Часть 1

27 сентября 1492 года Христофор Колумб открыл остров Кубу и через 475 лет, в семь часов утра 24 сентября 1967 года, прекрасная Куба, которую открыватель её, Христофор Колумб, когда-то назвал самой прекрасной землей, какую видели глаза человека, предстала перед моими глазами, а в пятницу 13 декабря 1968 года в 17-30 я навсегда простился с Кубой. Прошло 44 года и, вот вновь, на волнах памяти я, Евгений Геннадьевич Емельянов, возвращаюсь к тем местам и событиям, которые прошли вехой в моей биографии.

«Есть два вида путешествий: один - купить билет и мчаться вдаль, другой – сидеть себе на месте и листать назад свой календарь».

Я закончил 11 классов 38 средней школы с трудовым обучением в г. Иваново. Трудовое обучение было очередным экспериментом в образовании, где вместе со средним образованием мы, школьники, приобретали и трудовую специальность, в связи с чем на год было продлено обучение.

Моей трудовой специальностью, которую я в течение трёх лет приобрел на текстильной фабрике, и которая сослужила определенную роль в последующем, была "гравер текстильного рисунка". Я умел и мог гравировать граверными резцами на меди, бронзе, латуни, серебре, стали) и всевозможных видах пластмасс, к тому же умел достаточно неплохо рисовать и писать плакатными перьями и перьями типа «Редис».

«Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся!»

Украина г. Лубны. Начало службы

В 1966 году был призван в ряды Советской Армии и направлен на службу в Киевский военный округ (КВО) в г. Лубны Полтавской области, где была дислоцирована в/ч 61511. Под этим номером располагалась, наверное, самая известная дивизия в Советской Армии.

Штаб 25 МСД им Чапаева в г. Лубны

Гвардии рядовой Емельянов Е.Г., первый месяц службы.

Её полное наименование таково: Гвардейская, Краснознаменная, Орденов Суворова и Богдана Хмельницкого II степени, Синельниково – Будапештская 25 дивизия имени В.И. Чапаева.

Вот они, настоящие герои гражданской войны и анекдотов.

Да, да, именно, та самая дивизия, в которой служили легендарные: бесшабашный Петька, краса всей дивизии - Анька, умный и правильный комиссар Фурманов и которую возглавлял лихой комдив Чапаев – герои анекдотов начала 60-х и последующих годов. Ну, вот и я сподобился на прохождение действительной службы в этой гвардейской дивизии в роте связи 426 гвардейского мотострелкового полка в звании гвардии рядовой и в должности радиотелефониста УКВ и ДЦМ радиостанций малой мощности Р-105, Р-108.

Призыв в эту дивизию осуществлялся по политическим мотивам из призывников Чувашской АССР – родины лихого комдива В.И. Чапаева и Ивановской области – родины образованного, умного и выдержанного комиссара Фурманова. Не ведаю, чьего роду-племени были Петька и Анька, но в 426 мотострелковом полку, в котором начал службу, был полный “компот” из различных племен и народов СССР. Вместе со мною проходили службу: украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, евреи (*да, да именно евреи - я сам был этим поражен*), башкиры, татары, представители среднеазиатских республик и даже уникальнейшей нации - ассирийцы. Я знал, что Ассирия, древнейшее государство уже 3 тысячи лет как исчезло с лица Земли, но оказывается, что государство-то исчезло, но как нация ассирийцы сохранились, и отдельными анклавами расселились по всей Средней Азии, и какими-то судьбами их занесло и на Кавказ, откуда они и попали в наш полк.

Довольно интересная интернациональная “солянка” собралась в части.

Про чuvашей ходила поговорка: «Мордва, мордва – становись по два! Я чuvаш – командир Ваш!» Про белорусов - «Бульба ё, вада ррадом, дров наррубим, будет парадок!» Украинцы в роте связи в основном были из Харькова и Дебальцево. Обе группировки были довольно раскованными хлопцами. Харьковчане отличались хулиганским поведением, так как, по их

словам, все были выходцами с «Лысой горы» (это район Харькова), а «гвардейцы» из Дебальцева были шахтерами и до армии уже побывали в преисподней, т.е., в шахте, и повранили уголек. Им и черт не был братом, а посему они давали прикурить отцам-командирам.

*****

*Мы друг на друга посмотрели,
И молча вверились судьбе,
Хоть длиннополые шинели
Пришли совсем не по губе.*

*Мы шли, равняясь по передним,
По сотне стриженых голов.
Пилотки кисли словно гребни
У недобитых петухов.*

*А бляхи - этакие слитки,
И коль старанье приложисть.
То ими с первой же попытки
Можно любого хряка порешистить.*

*И каждый почтит за благо,
Что, не преуспев ещё ни в чём,
Почётным именем «салага»
Великодушно наречён.*

*А ротный, видя к службе наше рвенье,
Инициативу эту поощрял,
И слал нас драить заведенье,
Что чаще драят по ночам.*

В общем, ''салага'' и ''молодой'' стали своеобразным обращением по первому году в иерархии службы солдат-срочников в Союзе, а для меня и по первому году службы на Кубе, т.е., я два раза был награжден званием ''молодой'', и ни разу не был возведен в звание ''Деда'', т.к. в 1967 году попал под действие Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» и был демобилизован в конце 1968 года.

Согласно закону призыв проводился 2 раза в год, срок действительной службы в сухопутных войсках составлял 2 года, во флоте - 3 года. Ранее срок службы составлял 3 года, теперь же он был сокращен на 1 год. Проявления национализма и «дедовщины» в те годы не было. Пресловутая «дедовщина» совпала с первой волной дефицита призывников, и в армию стали призывать молодых людей с уголовным прошлым, что ранее было совершенно исключено. Вместе с уголовными элементами в казармы приходят уголовные порядки. В солдатскую речь проникает блатной жаргон. Копируя тюремные порядки, бывшие уголовники вводят ритуальные унижения и издевательства. Совокупность этих факторов и привела к неуставной армейской иерархии, которая со временем только укрепилась и приняла более жестокие формы.

Старший офицерский состав прошел через горнило Великой Отечественной войны и из личного опыта знал, что здоровая моральная обстановка во вверенных им подразделениях – залог их собственной жизни и прекрасно понимал обо всех последствиях разложения солдат этими неуставными взаимоотношениями и мгновенно пресекал проявления этого негатива. Политико-воспитательная работа, проводимая политорганами, была направлена на формирование строителей коммунизма.

(Совсем недавно с трибуны очередного съезда КПСС руководителем государства Н.С. Хрущевым был провозглашен лозунг, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме.) И в-третьих, особый отдел тоже не

дремал (за «присягу», устраиваемую «салагам» «стариками» или «дедами» влегкую можно было угодить на продолжение службы в течение дополнительных 2-х лет в дисбате). К тому же, мы все находились под недремлющим оком ротного старшины Лукича, нашего «отца рідного». Было такое ощущение, что старшина жил вместе с нами. Утром его рев: «Рота, подъем! Подъем, рота!!!» сшибал нас с коеч, а вечером его команда: «Отбой, рота! Рота, отбой!» ввергала в сладостный сон. А между этими командами его присутствие ощущалось везде. Контроль с его стороны за нашим поведением и «облико морале» был постоянным.

426 гвардейский мотострелковый полк, в котором я начал службу в 1966 году, возглавлял гвардии майор **Тухаринов Юрий Владимирович**. Он в последующем был командармом 40-й армии, которую в 1979 году вводил в Афганистан. Я его помню высоким, плотного телосложения, немного склонным (из-за высокого роста он был на голову выше всех остальных), обладающего четким командирским голосом и прекрасной строевой выправкой. В 1967 году, почти одновременно, но уже гвардии подполковник Юрий Владимирович Тухаринов в июле убыл на учебу в Академию Генерального штаба СССР, а я в конце августа – на сборный пункт Киевского военного округа (КВО) для отправки в страну «с влажным и жарким климатом».

Служба в 25 МСД «радовала» своим разнообразием, принципом которой был «через день на ремень, через два - на кухню». Дивизия была кадрированная, т.е., неполного состава, и наш полк состоял только из 1 мотострелкового батальона, танкового батальона, роты (*а по сути взвода*) связи и в таком же порядке из других подразделений усеченного состава, но матчастью полк и дивизия были полностью укомплектованы по штатам военного времени.

Веселым разнообразием гарнизонной службы были полковые учения, проводимые на Черниговском полигоне «Великая кручка», зимние - по форсированию р. Десны и летние – по наступлению мотострелковой роты с поддержкой танкового взвода.

Весной и в начале лета 1967 г. участились для нас, первогодков, медицинские комиссии и собеседования с высокими офицерскими чинами, это была подготовка и фильтрация кандидатов на прохождение дальнейшей службы на Кубе.

В июле, наш «отец родной», щирый хохол - старшина роты Лукич, (*это не отчество, а фамилия*) вдруг впал в пессимизм и опечаленным пребывал на службе. Он потерял печать от вверенного ему склада с имуществом. Узнав о моей гражданской специальности, он попросил меня сделать дубликат этой печати, и хотя мой граверный инструмент остался у меня дома в г. Иваново, старшина умудрился сделать себе и мне трехсуточную командировку в столицу текстильного края СССР, чтобы я привёз необходимый инструмент в часть.

После изготовления мною дубликата печати он с сожалением в голосе посетовал, что слишком поздно раскрыл мой талант и сколько бы я

полезного, по его мнению, в последующем мог бы сделать еще (*опечатанных складов ой как много было на территории дивизии*). Он и раскрыл секрет, что мне скоро предстоит дальняя дорога без возврата под его отеческое крыло и материнскую заботу, которые он и воплощал в армии для меня.

И вот в конце августа наступил день «Ч», когда команда будущих воинов-интернационалистов, получив приказ на убытие и попрощавшись со знаменем дивизии, тронулась в путь к сборному пункту КВО. Вместе со мною покинули полк «и рідну маті» Украину Александр Ароткин (г. Чебоксары, пос. Древзавода), Володя Филатов (земляк-ивановец), Феликс Романаускас (Литовская ССР Кельмесский район. п/о Титувенай п. Пяраскальнис) и Володя Гладченко.

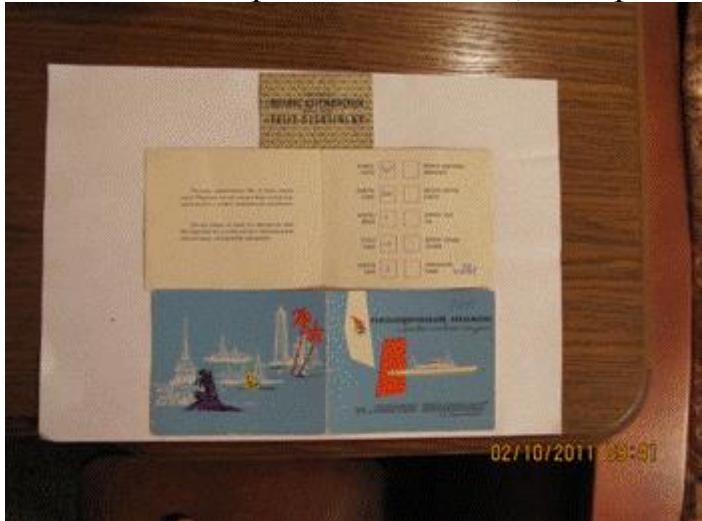
Маршрут нашего пути был таков: Лубны – Киев – Фастов - Белая Церковь, где и располагался сборный пункт КВО, а через неделю новый путь Белая Церковь – Фастов – Киев - Одесса.

Ну, здравствуй Одесса-мама, чем ты нас встретишь? Встретила Одесса нас неожиданностью. Ввойсковой части, куда мы прибыли, уютно распахнули свои пологи две ротные палатки. В одной из палаток была «костюмерная», где на каждого подбирался комплект партикулярного платья, состоявшего из х/б берета серенького цвета, 2-х пар х/б носков, сандалий, полуботинок, х/б светлых вьетнамских брюк, темных полуширстяных брюк, двух х/б светлых рубашек с коротким и длинным рукавом и пиджачка, который, ну, раза два-три я одевал за весь срок пребывания на Кубе. Во второй палатке располагалась швальня, где каждый, если сам умел, подгонял по фигуре свою будущую экипировку.

При очередном медицинском осмотре медбратья впиндиюрил укольчик, от которого дня два, а кто и три дня, в себя приходил. Это была прививка от каких-то тропических болезней. В последующем, уже на гражданке, при осмотрах врачи, а только они могут разобрать в военном билете каракули своих собратьев, внимательно смотрели мне в глаза и покачивали головой.

7 сентября часов в 12 ночи весь эшелон (*а нас было около 300 бойцов*) подняли и приказали переодеться в гражданку. Бывшую военную форму мы зашили в приготовленные заранее, с нашитой именной биркой, мешочки и сдали комсомольские билеты. Затем нам выдали билет и «Embarcation coupon», т.е. посадочный талон, 4 пачки махорки каждому, и далее мы стали ждать следующей команды. Никто из нас толком не знал, куда мы поедем, и наиболее вероятной версией, т.к. х/б брюки и рубашки были вьетнамскими, был Вьетнам, где разрасталась американская агрессия.

И вот в 5 часов утра прошла команда «На посадку!» и колонна автобусов пошла по утренней Одессе в порт. По трапу поднялись на палубу белоснежного лайнера «Феликс Дзержинский», где пограничники, сверившись по спискам с нашими военными билетами, пропускали дальше, а кто-то из судовой команды разводил по каютам. Каюта №345 на 4 места, в которую нас привели, располагалась в III классе на нижней палубе у ватерлинии, т.к. забортная вода плескалась в полутора метрах от иллюминатора. И так прощай, прощай, Одесса-мама! До свиданья, Советский Союз! Впереди таинственная даль и загадочная страна с «влажным и жарким» климатом, где предстоит дальнейшая служба.

Посадочный талон на т/х «Феликс Дзержинский» не сохранился,
а на дембельскую барку «Мария Ульянова» до сих пор жив.

Т/х «Феликс Дзержинский»

"Феликс Дзержинский"

ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

Номер проекта – 101; Страна и место постройки - ГДР, Матиас Тезен, Висмар. Год постройки – 1958. Длина корпуса - 122 м, ширина - 15,6 м, осадка - 5,18 м. Водоизмещение с полным грузом - 5600 т. Силовая установка – два 6-и цилиндровых дизеля DMR (МАН) суммарной мощностью 8000 л.с. Скорость полная -17 узлов в час. Дальность плавания – 6500 миль. Автономность плавания - 16.5 сут. Максимальное количество пассажиров - 3348 чел. Численность экипажа – 134 чел.

В распоряжении пассажиров имелись салоны I, II и III класса, а также курительный салон на 16 мест. Для питания и отдыха пассажиров имелся ресторан I и II класса на 80 мест и ресторан III класса на 56 человек. Небольшой бар вмещал 18 посетителей. Две парикмахерских, амбулатория, лазарет, библиотека, изолятор и промтоварный киоск. Помещения судна имели искусственную и естественную вентиляцию, а также осуществлялось кондиционирование пассажирских, жилых, служебных и общественных помещений.

Как у людей, так и кораблей свой срок жизни: «Феликс Дзержинский» проходил по морям-океанам 35 лет - 1958-1993 годы.

Часть 2

*«Как провожают пароходы?
Совсем не так, как поезда».*

Одесса-Гавана

В 11 часов «Феликс Дзержинский» без звуков оркестра, тихо отошел от швартовой стенки, и начался наш морской вояж. Самая крупная водная магистраль, которую мне пришлось пересечь до армии на речном теплоходике, была река Волга шириной полтора километра. Но океанский лайнер потряс мое воображение, да и не только мое, но и других ребят, которые вряд ли вообще видели что-то подобное. Необходимо напомнить, что шел 1967 год и я-то, городской парень, телевизор увидел впервые в 1959 году. В 1957 г. полетел 1-й спутник, в 1961 г. совершил полет 1-й космонавт, а последняя лампочка Ильича в самой отдаленной деревне Ивановской области зажглась в 1967 году. Зато наши танки были лучшими в мире! Страна была вот такая интересная.

Старший пассажирский помощник капитана по судовому радио пригласил, это нас-то солдат, которые только по команде строем и с песней могли идти на прием пищи, а он нас пригласил на обед, чем поверг в крайнее удивление, которое только усилилось за столиком судового ресторана. Нас начали обслуживать судовые официантки!!! Они приносили посуду с яствами (да, это был не солдатский харч!) и уносили дочиста вылизанные тарелки, т.к. с прошлой ночи мы ничего не ели. Этот сервис для нас был уже перебором, но переди еще ждало другое потрясение. В коридоре нашей палубы любопытство завело нас в женский туалет, и вот тут мы испытали поистине шок – рядом с унитазом мы увидели санитарно-технический прибор неизвестного нам предназначения, который внешне напоминал унитаз, но таковым не являлся. При исследовании этого прибора выявили, что при открытии краников, расположенных на сём предмете, из оных прыскала вода. Ни богатого жизненного опыта, ни умственных способностей не хватало для выявления функционального назначения этого предмета. Кто-то из команды враз удовлетворил наше любопытство, назвав сей предмет неизвестным нам словом «биде» и объяснил нам его предназначение, после чего, со злорадством от своего невежества и познания функционального назначения этого предмета, непредназначенного для пользования сильному полу, мы высасались в него, удовлетворив тем самым своё ущемленное мужское самолюбие за столь позднее знакомство с благами цивилизации.

Теплоход-то был построен в бывшей ГДР и оборудован в соответствии с международными стандартами.

Я упомянул о выданной нам махорке. Так вот, после сытного завтрака служивых потянуло на перекур. Необходимо заметить, что я был избавлен от этого порока и никогда не курил, но пробовал в 1-м классе и после вразумительного отцовского напутствия, подкрепленного ремнем, уже

больше никогда не курил. Курительный салон располагался в корме на нижней палубе и конечно не мог вместить всех дымокуров, а посему ребятишки рассыпались по бортовым палубам и, свернув козы ножки, начали дымить, распространяя аромат махорки, чем повергли в ужас боцмана и палубную команду, ведь кусочек тлеющей махорки мог залететь в судовые щели, а далее тлеющие крупинки махорки могли привести, да не к ночи будет сказано, к пожару. Что страшнее пожара на пассажирском судне посреди моря в достаточно лапидарной и лаконичной форме по судовому радио объяснил начальник эшелона и приказал всю махру выкинуть за борт, пообещав обеспечить всех куряк цивильными сигаретами. На теплоходе существовали магазинчики, парикмахерские и прачечная где команда под запись получала услуги и товары с последующим вычетом из зарплат. Ну, вот и наши куряки там отоварились «Примой», «Беломором» и иным табачным ассортиментом, но как рассчитались за табачное удовольствие между собой Минобороны и Минморфлота мне неведомо.

Утомленные бессонной ночью, первыми впечатлениями, да и к тому же, насытившись и оказавшись в бескомандном вакууме, мы упокоились в своих каютах и, не смотря на гул судовых дизелей, под лёгкую бортовую качку так крепко уснули, что пробудились только утром 9 сентября и в 10 часов увидели берега Турции. Приняли на борт лоцмана и перед этим, в той же лапидарно-лаконичной форме от начальника эшелона, получили рекомендацию не покидать своих насиженных мест и не появляться на верхних палубах. Поэтому Босфор и Стамбул удалось увидеть только из иллюминаторов (трюмных) нижних палуб. Видимо у командования ютилась мысль, что какой-нибудь диссидент сиагнет в воды Босфора (*а в некоторых местах судно весьма близко шло у берега*), и получите ЧП, связанное с побегом солдата Советской Армии в капиталистический рай.

*****

*Поутру фелюки на Босфоре,
Вдоль бортов с цветными поясами,
Кажется, с самой зарёю спорят,
Желтые и красные, как пламя.*

*Как хвощи из камня минареты,
Над Стамбулом поднялись высоко,
Их вершины в алых фесках света,
Возвышают правоту Пророка.*

В Босфоре на встречных курсах разминулись с танкером «Джордано Бруно» и в 11 часов вошли в Мраморное море.

Мраморное море покорило бледно-изумрудным цветом воды, резко контрастирующим с цветом темной воды Черного моря. После прохода Стамбула нам было разрешено выйти и на верхние палубы.

*Но ещё стремительней и жестче,
Из бетона, стали в ливне стёкол,
Среди куполов и башен тощих,
Виден «Хилтона» отель далёко.*

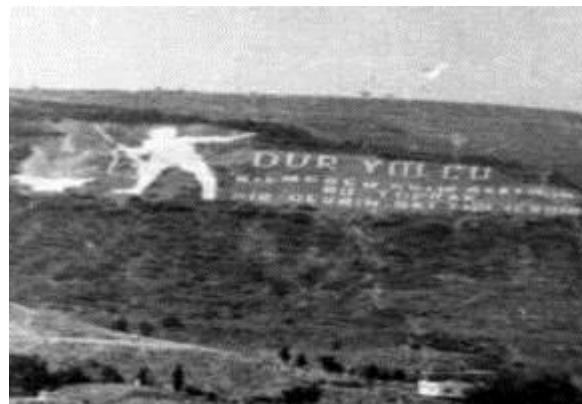
*Веет ветер угольным угаром,
Пахнет морем и цветами,
И переливаясь, вся звенит волнами
Аргонавтов древняя дорога.*

Сентябрь 1967 г. Т/х «Феликс Дзержинский»

Дарданеллы прошли в 19 часов. Запомнился на высоком западном зеленом склоне берега Галлипольского полуострова - выложенный из белого известняка контур фигуры английского солдата с высоко поднятой

винтовкой, наступающего на красный трилистник - контура взрыва. Это был своеобразный памятник английским солдатам, погибшим при штурме турецких укреплений на Галлиполльском полуострове в годы 1-й мировой войны.

И только когда мы миновали Эгейское море и повернули на запад, было объявлено, что наш теплоход совершает рейс Одесса - Гавана. Все стало ясным и определенным, нас ждал остров Свободы – Куба!

Отступление. Что к тому времени я знал о Кубе? Первое знакомство произошло ещё в начале 50-х годов при просмотре кинофильма «Максимка» (экранизация рассказа Станюковича «Максимка») в котором повествовалось, как русские моряки спасли из пучины морской маленького негритенка, которого и нарекли Максимкой, а далее по сценарию русский корабль попал на Кубу. И вот на экране появляются кадры с видами, по мнению режиссера-постановщика, Гаваны. Это на фоне гор и пальм по набережной (видимо съёмки проходили или в Ялте, или в Сочи) прогуливаются кубинцы почему-то в огромных сомбреро и нещадно курят сигары – вот какой образ и сложился у меня о Кубе в детстве. Затем в 1959 году происходит Кубинская, как у нас в Союзе именовали, революция, и на экранах телевизоров и кинохроники появляется Фидель, Че Гевара, барбудос, вступающие на улицы Гаваны, толпы ликующих кубинцев – это уже второй образ революционной и романтической Кубы.

Необходимо дополнить мое повествование тем, что совместно с нами совершали поход к месту службы и офицеры в сопровождении жен и малолетних детей, которые занимали каюты на верхних палубах.

В бирюзовом Средиземном море был наполнен забортной водой бассейн, который находился на корме, но нам запрещалось находиться там и принимать в нем водные процедуры, в то время, когда в нем плескались офицерские жены с детьми. На той же корме располагался газировальный аппарат. К нему выстраивалась очередь сухогорлых служивых, которые с неприкрытым сладострастием разглядывали тела молоденьких купальщиц.

В Средиземном море наконец-то мы увидели капитана теплохода «Феликс Дзержинский» - Николая Николаевича Свитанко. Это был 35-ти летний мужчина, высокого роста, плотного телосложения, с мощными бицепсами и рельефной мускулатурой, прорисованной под облегающей форменной рубашкой с погонами, на которых сверкало 4 золотистых нашивки с ромбом, и в отутюженных белых брюках (*мечта Остапа Бендера*). Он воплощал представления о настоящем «морском волке». Кроме внешних достоинств, он еще обладал мощной физической силой, и по утрам забавлялся на капитанском мостице с 2-х пудовыми гирями и тешил свое самолюбие тем, что предлагал нашему брату посостязаться с ним в гиревом спорте или в армрестлинге. К сожалению, в нашем эшелоне равных ему по этим забавам не нашлось. А уж какая судовая официантка его обслуживала, не описать, ну прямо таки Бриджид Бардо!

В Средиземном море для нас начался обратный отсчет времени, который продолжился до самой Кубы, но нам солдатам, не имевшим наручных часов, переводить их стрелки вперед не было нужды. «Солдат живет по звукам полковой трубы и командам воинских начальников», - говоривал мой старшина Лукич.

Атлантический океан, сентябрь 1967 г.

На третий день нашего пребывания на судне, да еще в таких комфортных условиях и сплошного безделья, начальник эшелона принял решение развлечь нас каким-нибудь делом и вверил нас в ведение боцмана и

палубной команды. Всем, конечно, дела не нашлось, но все равно мы сподобились в выполнении корабельных работ, что впоследствии дало право рассказывать, как драил палубу или малярил на окраске внешних корабельных надстроек. Меня удивила палуба, настланная из досок, на которых не было ни одного сучка.

Вечером, после захода солнца, на корме верхней палубы развесивался киноэкран, и нам крутили фильмы, а офицерский состав и их жены проводили время в музыкальном салоне, который был отделан ореховым деревом, где играла, как теперь говорят, «живая музыка», и под сладострастные кубинские мелодии они танцевали. Из всего репертуара, в основном состоящего из кубинской музыки, меня покорила кубинская мелодия «Сибоней», от которой я млею до сих пор.

Вечером 15 сентября по правому борту из воды начали вырастать скалы полуострова Гибралтар. Путь от Дарданелл до Гибралтара протяжением 3364 км, или 1870 морских миль прошли за 6 суток. При прохождении траверса Гибралтара наше судно начала провожать стая дельфинов. Под музыку судовых громкоговорителей дельфины выпрыгивали из воды перед самым форштевнем и провожали нас до самого входа в воды Атлантического океана. Так прощался с нами Старый Свет, а мы устремились к берегам Вест-Индии.

Сентябрь 1967 г, Гибралтар.

Для меня Испания была такой,

*Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской,
И Филипп Испанский правит суд жестокий.*

*А по рыжей сьерре скачет Дон Кихот,
Карменсита каблуками бьёт о камень,
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.*

*Для меня Испания была такой,
От Веласкеса до Лорки – все в ней рядом.
Черных «Юнкерсов» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.*

*Но однажды мне открылось с корабля,
(Шел корабль у Гибралтара тёмной ночью),
Я увидел, что Испания – земля,
По подолу в огоньках короткой строчки.*

*Над проливом черной глыбою утеса,
Возвышался весь из скал, в дыму, в тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд,
Позволяло разглядеть их очертанье.*

*Низким заревом Гибралтар направо плыл,
Ниже чёрных берегов того утёса,
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.*

*Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно.
Я друзей бы здесь найти хотел,
Вот она, как ночь и звёзды, достоверна.*

*Где они, морской армады паруса,
Дон Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза,
На утес, ветрам Атлантики открытый.*

*Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп забыт давно навечно,
Светят звёзды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.*

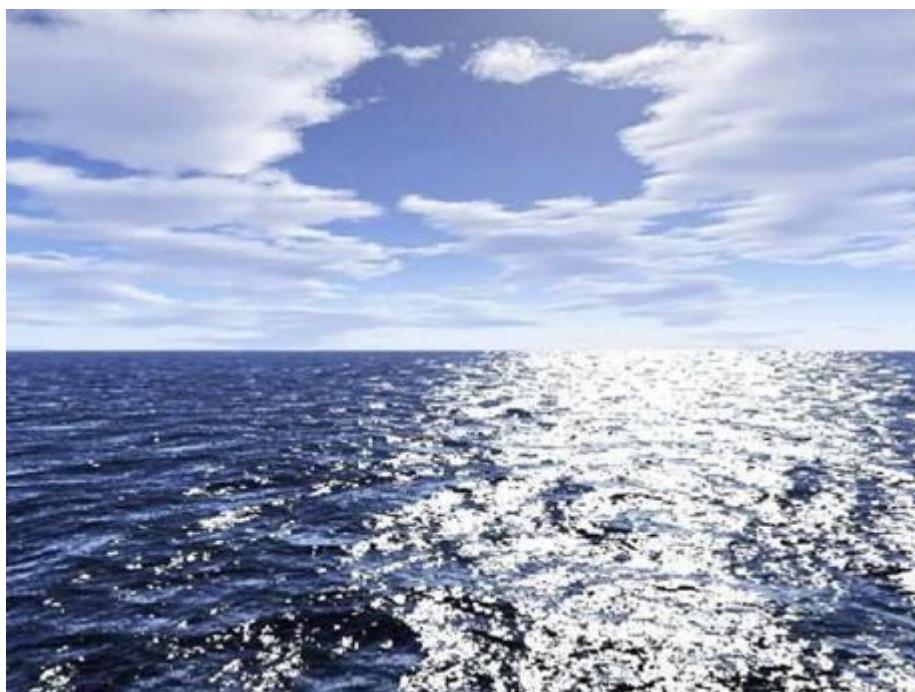
Джебал аль Тарик. Гора Тарика или Гибралтар.

Через сутки, то ли это было намечено курсом, то ли это был подарок капитана, мы прошли рядом с островами Мадейра, которые были последней землей на протяжении последующих восьми суток.

г. Фуншал - Мадейра

Атлантика запомнилась прекрасной солнечной погодой и волнением 2-3 балла, легкой бортовой качкой, летающими рыбками и пятнами водорослей цвета детской неожиданности, а также усиленным дополнительным питанием за счет тех бойцов, у которых вестибулярный аппарат частенько заставлял травить содержимое желудков в безбрежную пучину океана.

При подходе к берегам Кубы участились облеты судна самолетами военно-морской авиации США, а также ночными тропическими грозами с ярчайшими всполохами молний и чудовищными по силе раскатами грома.

Посреди океана капитан сыграл для экипажа пожарную тревогу, по которой весь экипаж покидал корабль и на шлюпках обходил дрейфовавшее судно. Для нас, среди суровых морских будней, это явилось определенным развлечением, наблюдать, как девчонки из судового персонала (а капитан, видать, знал толк в прекрасном поле, ибо были отобраны весьма сексапильные особы) по штурмтрапам спускались в шлюпки, обходили вокруг теплоход и вновь поднимались на борт.

Эту идиллию омрачила смерть мальчика, родившегося посреди океана у жены офицера. Ребенка назвали в честь судна Феликсом, и в Гаванскую бухту теплоход входил с приспущенными флагом.

23 сентября вышли на траверс южного побережья Кубы и 24 сентября 1967 года через 16 суток «Феликс Дзержинский» в 7 часов утра, пройдя створ двух прибрежных испанских крепостей Ла Пунта и Эль Морро, стоящих, как часовые, на границе старого города и моря, и встречающую на левом берегу бухты статую Иисуса Христа, пройдя, в общей сложности, **11700** км. (**6500** морских миль), вошел и в 8 утра пришвартовался к причальной стенке Гаванского порта, у которой стоял наш белоснежный морской «Авакс» - судно «Космонавт Владимир Комаров» с 2-мя громадными сферическими

антеннами на корпусе. Сразу же поразило то, что вода в Гаванской бухте была светло-коричневого цвета и весьма грязная.

Крепость Эль Морро

Крепость Ля Пунто

Статуя Христа при входе в Гаванскую бухту

Adios USSR! Calud Cuba!

*Куба, как кубок у губ
 Моря Карибского.
 Пить её хмель могу, не заискивая.
 Пить её солнечный дар опьяняющий.
 Куба, сквозь годы в памяти шарю я.
 Воспоминания юности ты принесла,
 И некуда деться от их числа.
 Куба, в глаза твои, в ясные очи
 Гляжу, как в заповедь, где все отточено.
 И верю в верность твоей удачи.
 За дверью ветreno....
 Но как иначе?
 Ты на просторе, ты омываема
 Радостью, горем. Незабываема. Неисчерпаема
 Новизной Куба всегда со мной.*

Такое синее небо бывает только на Кубе!
 Такое оплывшее желтое солнце бывает только на Кубе!
 Такое изумрудно-лазурное море тоже бывает только на Кубе!

Куба незабываема. То ли красота её беловато-розовой столицы, оправленная ультрамариновыми водами Мексиканского залива, то ли бездонные ночи с заглядывающими в лицо звёздами и загадочным шепотом пальм, то ли добросердечные и открытые кубинцы, а вернее, всё это, вместе взятое, не может оставить человека равнодушным.

Первые несколько дней на Кубе находишься под впечатлением ярких красок, запахов тропиков, шума океана.

Часть 3

Мариэль

Мы сходили по трапу, сквозь строй ребят из особого отдела бригады и кубинских пограничников, на благословенную землю, рассаживались в автобусы, и наш дальнейший путь лежал в Мариэль, где мы должны были пройти карантин. Впечатления переполняли нас: порт, узкие улочки старой Гаваны с классической колониальной испанской архитектурой, набережная Малекон, пригороды Гаваны, застроенные какими-то лачугами, относительно равнинный пейзаж прибрежной зоны с саваннами и рощами королевских пальм и неожиданность, пашущий на волах кубинский крестьянин – это было слишком много для глаз, видевших в течение 9 дней только просторы Атлантики.

Улицы Старой Гаваны

Малекон

40 километров до Мариэля пролетели почти мгновенно, но за эти полтора часа пути мы от нашего водителя уже познали не самые лучшие слова из богатой лексики испанского языка. «*Acerg bobo, pingo, boji*» обогатили наш словарный багаж. (*Танкисты должны помнить, что в присутствии кубинцев команда «Танки к бою!» не подавалась*).

Нас разместили в бетонных открытых казармах на небольшом полуостровке, расположеннном на южном берегу бухты Мариэль.

На северном берегу бухты просматривались корпуса электростанции, к которой швартовались под разгрузку мазута танкеры, а за нашим полуостровком громоздилась отвесная известняковая скала высотой, наверное, метров 100, с восходом солнца озарявшаяся розовым цветом, на вершине которой стояли РЛС и зенитная батарея. Весь южный берег бухты был выложен мешками с цементом, превратившимися от воздействия волн в камень. Рядом с казармами в бухте располагался «лягушатник», своеобразная купальня, обнесенная рядом вбитых вплотную друг к другу бревен, следовательно, в бухте резвились неведомые нам рыбки, встреча с которыми была нежелательна. После заката мы рассаживались на покатом склоне берега, развешивался киноэкран и тишину залива тревожили звуки русской речи и русские песни, лившиеся с экрана.

Королевская пальма – царица кубинской природы. Её встречаешь повсюду: и на улицах городов, и в полях, и в горных районах, и на морском берегу.... то в одиночку, то небольшими купами, а то и целыми рощами.

Самое мое заветное желание в первый день пребывания на Кубе было – потрогать ствол королевской пальмы, так как он по внешнему виду и цвету напоминал бетонный столб и, осуществив свое любопытство, я узнал, что все-таки ствол состоит из древесины. Потом много будет таких разочарований и удивлений от тропических растений. Впоследствии я узнал, что ананасы растут не на деревьях, а вот фикус может быть деревом 20-и метровой высоты.

Первый тропический ливень. За стеной казармы беснуется, грохочет, шелестит и свистит могучий тропический ливень. С грохотом прокатывается по небу гром, и пальмовые листья под одержимым душем дождя склоняются вниз, издавая какой-то шипящий гул. Вода бежит по листьям, по стволам. Могучие и горячие каплищи танцуют на бетонных дорожках.

Что такое дождь? Это воздух с прослойками воды. Дождь тропический – это сплошная вода с прослойками воздуха.

В течение 9 дней нас проверяли медики, вкатывая прививки, велось собеседование с офицерами и шло формирование команд по подразделениям бригады. Я и Феликс Романаускас были расписаны во взвод связи танкового батальона, Саша Ароткин и Володя Филатов в 4-й и 20-й мотострелковые батальоны соответственно, а удивил нас Володя Гладченко – он попал в особый отдел, но за какие заслуги - не понятно, хотя хохол он и есть хохол.

3 октября 1967 года часов в 8 вечера на автобусах мы отправились в бригаду. Восхитила вечерняя Гавана, и далее, уже во тьме кромешной тропической ночи, мы прибыли в бригаду. К удивлению, на плацу в полном составе стоял танковый батальон и нас, молодёжь, представив, развели по подразделениям, а затем, сдав свои манатки в каптерку, мы разошлись по казармам, где познакомились с тем как пользоваться антимоскитной сеткой (*в Мариэле накомарников не было*).

В/ч 89406 или Москва-400, п/я 293-Г

Утром 4 октября началась моя служба во взводе связи танкового батальона. Сдали штабному писарю Крупенько военные билеты, которые хранились у него в сейфе, и получили их назад только в день отправки в Союз. Получили: ботинки с высокими берцами (zapatitos), оружие – старый добрый АКМ (калибр – 7,62), маскхалаты, б/у форму кубинских FAR (Fuerzas Armadas Revolution) и весьма потертый ремень со звездой.

Отступление. Мой папенька – Геннадий Александрович Емельянов, обрадованный, что дитятко теперь служит не на Украине, а совсем рядом, быстренько направился в Москву. На ночном поезде он прибыл в столицу, и в комендатуре Москвы ему, видимо, популярно объяснили, что Москва-400 - это не город Москва, а только почтовый адрес, а свою кровинушку пусть ищет в другом месте. А так как нам не

рекомендовалось в письмах писать о местонахождении нашей службы, то на его запрос о том, где теперь я, пришлось писать эзоповским языком, что нахожусь на острове, который наш революционный поэт В.В. Маяковский сравнивал с «зелёной ящерицей». После ознакомления родителей с произведением поэта они оба немножко были ошарашены, обнаружив, что «зелёная ящерица» это о. Куба. Вот куда занесло их сыночка! Ну да ведь на государственной службе не выбирают.

*Зря, когда мы близких судим,
Суд безжалостен и лих,
Надо жить, прощая людям,
Наше мнение о них.*

Отцы-командиры батальона

Командиром батальона был **полковник Владимиров** (имя и отчества уже не помню) лет пятидесяти, поседевший, стройный, поджарый, в великолепной физической форме, которую довольно фанатично поддерживал. Ежедневно, прибыв в спортивный городок рано утром до общего подъема батальона, он с неистовством занимался на гимнастических снарядах (перекладине, брусьях и кольцах), перекрывая установленные для солдат нормативы, чем вызывал наше общее восхищение. Он был участником Великой Отечественной войны, а поэтому для нас был в высоком авторитете. На Кубе он был без жены, и видимо поэтому, частенько на служебной «Волге» посещал Гавану. Ну да у кого нет слабостей. Офицеры служили на Кубе три года. С Кубы он убыл в декабре 1968 года. Его сменил полковник Пятибратов.

Начальником штаба батальона был **капитан Косянчук**, великолепный штабной офицер, знаток полевого устава, профессионал по планированию учебной подготовки, а также по планированию тактической и полевой подготовке батальона, которого в мае 1968 года сменил **капитан Куприянец**. В последующем я служил под его непосредственным подчинением. Зам. начштаба батальона был **капитан Щербина**

Замполит батальона – **капитан Таран (Василий?)**. Орел по впруживанию в неокрепшие, но через руки-ноги умственно развивающиеся, солдатские головы идеологических установок Главного Политического Управления Советской Армии.

Парторг батальона был **капитан Говало**. Он где-то по пути из Союза потерял голос и сипел фальцетом, а посему не мог командовать танковой ротой, но вот управлять парторганизацией батальона сумел.

Зампотех батальона был **майор Баконин Игорь**. Он всегда акцентировал внимание на своём звании – «инженер-майор», он единственный из офицеров в батальоне имел высшее образование. Ротных зампотехов по фамилиям не помню, но недаром говорят, что «в каждой роте для потехи существуют зампотехи».

Как-то в курилке танкового парка на наш вопрос о том, чьей системы в танке тормоза - Матросова или Вестингауза, какой-то ротный зампотех нас пристыдил, ответив, что Вестингауз это американец, следовательно, на наших танках тормоза могут быть только системы великого Русского танкового конструктора – Морозова, чем и поверг нас в дикий восторг. Дело в том, что тормоза систем Вестингауза или Матросова применяются в железнодорожных вагонах США и СССР.

Зато запомнился начарт (начальник артиллерии) вооружения батальона – **капитан Сереженькин**. Высокий, тощий, визгливый, он был великий спец в своем деле. На Кубу он попал из Сомали, пробыв там три года. В Сомали он весьма сильно извратился. По его рассказам, там, в Сомали у него в служении был «бой» - т.е., мальчик на побегушках (*это теперь знаем, что мальчики могут служить и в иных целях*), жил он там в шикарнейшем бунгало, в его распоряжении была легковая автомашинка и собственный водитель. Обуржился он там в этом Сомали совсем. Служил на Кубе в 1967-1969 годах.

Командиров 3-х танковых рот не помню, а вот из взводных запомнил только командира взвода старшего лейтенанта **Цап Валерия**, но о нем речь еще впереди, да и лейтенанта **Дубину**, да и то только из-за яркой фамилии.

Командиры танковых взводов слились в одно целое. Молодые лейтенанты, в основном неженатые, они жили в домике (casa) холостяков, и под их командованием было приятно выезжать в Гавану, так как им тоже человеческое не было чуждо.

Взвод связи танкового батальона возглавлял **лейтенант А. Серышев**. Ему было 25 лет. Был женат. В конце 1967 г. у него родилась дочка, которая, в соответствии с Кубинским законодательством, при достижении совершеннолетия могла за счет Кубинского правительства, посетить Родину рождения. Интересно, воспользовалась ли она своим правом? Но нас в нем более интересовало другое, а именно, его имя. Величали нашего лейтенанта - Адольфом. Как умудрились родители поименовать, появившегося на просторах Вологодчины в 1942 году (*самая середина ВОВ*), мальчика именем Адольф? Служил он на Кубе 1967-1969 годах.

Старшинами рот были солдаты в звании старшины срочной службы, в основном бывшие командиры танков. О прапорщиках в ту пору и помину не было. Старшины имел подпольную «кликуху» - «Кусок». Эта «кликуха» соответствовала своему значению – старшины выдавали нам мыло кусками, нарезанными на четвертушки, чтобы не было соблазна их менять (ченчить) у кубашей. Правда, в руках народных умельцев эти кусочки, особенно хозяйственного мыла, смоченные водой и сжатые в самодельном прессе, превращались в целые куски мыла, на которых наводился первозданный товарный вид (т.е., прорисовывались специальными лопаточками-резцами буквы) и товар для ченча был готов. Старшины, конечно, знали об этих ухищрениях, но, по прежнему, при выдаче резали мыло.

Санинструктор батальона был сержант Миша Окулов родом из деревни Марилово Холмогорского района Архангельской области.

Начхим батальона был ст. сержант Вася Лузгин.

Замкомвзвода связи танкового батальона, одновременно – начальник радиостанции Р-118, был ст. сержант Гена Павлов родом из Кеми Карельской АССР, а старшиной взвода – туляк Анатолий Лужецкий, которого в мае 1968 года сменил белорус – Николай Пороховщик.

Командование бригады

С 1967 по 1969 годы комбригом был полковник **Серых Владимир Дмитриевич** – «полковник ОТО». Это слово-паразит было связкой в его речи и командах. «Бригада, смирно! Первая рота - ОТО налево, остальные - ОТО прямо!», сыпались ОТОшки при разводе бригады на плацу. «ОТО моя боевая бригада или ОТО это стройбат?!» спрашивал комбриг при виде расхлебанной походки при прохождении по плацу батальонов и других подразделений бригады. Конечно, его, боевого командира (*комбриг был участником ВОВ, командовал батареей самоходок*) коробила наша выпрвка, одетых в разноцветную и разноперую гражданскую одежду. Его раздражало шлепанье сандалий по асфальту плаца, при прохождении строевым шагом. Он млел, при этом закрыв глаза, когда бригада проходила строевым шагом, ботая со всех сил, обутая в ботинки с высокими берцами, и щеголяла выпрвкой, одетыми в темно-синие комбинезонами танкистами, ракетчиками и маскировочными халатами другими подразделениями.

Дней через 5 после прибытия в батальон, для нас, молодых, получивших противогазы, начхим батальона Вася Лузгин провел проверку герметичности противогазов, что было успешно проделано в палатке окуривания. А так как он был еще и затейник, то, видимо для потехи «стариков и дедов», недели через две Лузгин придумал провести занятие не в палатке, а на природе. Сразу после завтрака он построил вновь прибывшую молодежь танкового батальона между казармой 3-й роты и штаба батальона. Зажег дымовую шашку и дал команду «Газы!». Облако дыма потянуло на нас, и Вася упивался произведенным эффектом до тех пор, пока из облака дыма не раздался рев комбрига: «ОТО моя бригада или ОТО танковая курилка?!!!» Дело в том, что напротив штаба батальона находилась офицерская столовая, по всему периметру которой, располагались декоративно отделанные в виде пчелиных сот, окна. Так вот, именно через них дым вентиляторами был втянут в зал, как раз когда у офицеров шел завтрак. Конечно же, он был сорван. Вот таков был эффект применения дымового обкутивания. Хорошо, что наши уши были в противогазах, а то бы мы много услышали смачных словесных перлов, сыпавшихся из уст комбрига в адрес нашего Васи, из которых «раздолбай» было самым мягким. И думали мы, что сгноит его полковник на губе. Крут был комбриг, но справедлив! После разноса, устроенного нашему Васятке, на бригадном

разводе комбриг объявил ему благодарность за проведение занятий в условиях, приближенных к боевым.

Касса (дом) комбрига находилась недалеко от школы, в которой учились дети офицеров с первого по четвертый класс. Находясь на хозработах в школе, я увидел кубинских ребятишек, пришедших к нашим детишкам в гости с оседланной лошадью (*caballo*). Далее события последовали со следующей ужасающей последовательностью.

Видимо, во мне взыграло сердце чапаевца, и как-то удалось объяснить кубинским *ninos*, что я русский кабальеро. Взгромоздился в седло, крикнул «Ну!» и дал стременами по брюху этой лошади. Эта невзрачная на вид лошадка, почувствовав чужого наездника, вдруг понесла. Команда «Тпру» на неё не действовала, а может, кубинцы иным сочетанием звуков останавливали лошадей. Пока я мучился с проблемой, как тормознуть лошадь, нас обоих, лошадь и седока, занесло к касе комбрига, где он на веранде проводил послеобеденную сиесту. «ОТО стоять!» - бахнул голос комбрига. И, о чудо, конь встал, а я кубарем подкатился под грозные очи Владимира Дмитриевича. Из его уст я много узнал о моем облике и в конце разноса комбриг посетовал, что в армии есть морская пехота, а вот морской кавалерии, где мне следовало служить до дембеля, нет, а посему 3-е суток на губе должны охладить мою горячую кавалерийскую голову. На губе, по личному указанию комбрига, для особо отличившихся в нарушении дисциплины были устроены камеры, перекрытые пятимиллиметровым железным листом. Можно представить какая температура была в этом уилище. Про эту камеру ходило такое поэтическое эссе:

*Сидим мы в камере четыре на четыре,
Начкар по метру нам определил,
А лампа яркая, а камера жаркая,
Сидишь и мокнешь, как в болоте крокодил!*

Последующая проработка меня на комсомольском собрании, которое проводил секретарь комитета комсомола батальона ст. лейтенант Гришан (довольно интересная последовательность в фамилиях - замполит Таран) была ласковым поглаживанием буйной головушки по сравнению с тем состоянием, которое я испытал в ядовито-зеленой камере губы, по сути это был карцер.

В конце октября в Центральном клубе должен был состояться ответный концерт кубинской солдатской самодеятельности. На это мероприятие прибыл комбриг со своей половиной и офицеры с супругами. А ведь в кубинской армии и женщины служили. Так вот, видимо перед началом выступления наших *amigos*, кто-то, по русскому обычаю, угостил их национальным русским напитком. Бригада сжалась, когда на сцену начали высакивать, прилично укушенные «зеленым змием», в довольно откровенных карнавальных костюмах, участники самодеятельности (*особое и пристальное внимание, конечно, было уделено созерцанию почти*

обнаженных сеньорит) с какими-то витыми медными трубами, гитарами, барабанами и маракасами. Враз вострубив и ударив в барабаны, это ревю заголосило какой-то сонг и пустилось в пляс. Такое шоу, конечно же, потрясло комбрига, вряд ли когда-либо видевшего подобный карнавал. Он протрубил зычным голосом, обращаясь к замполиту: «ОТО это бригада или ОТО это кабаре?!» И уже, обращаясь к жене, изрек: «Соня! ОТО я совершил ошибку! Завтра бригада уйдет в самоволку в Гавану!» Он был недалек от истины. С задних рядов, зажжённые таким эротическим зрелищем, служивые уже навострили лыжи в сторону столицы революционной республики. Больше за время моей службы не было концертов кубинской самодеятельности.

В целях усиления борьбы с самовольщиками и для охраны дислокации, комбриг повелел строить дощатый забор по периметру бригады. За гауптвахтой 24 часа в сутки звучала пилорама, готовя доски на комбриговскую затею. За материалом ездили в порт, где и брали крепежную древесину с приходящих судов из Союза.

Часть забора была построена, когда вдруг налетел лихой ураганчик и разметал выстроенную загородку по досточек, да ещё досталось этими летающими досками, поднятым по тревоге солдатикам.

Несмотря на жесткий контроль за личным составом, лихие пацаны всё же умудрялись в течение ночи совершать экскурс в Гавану. Технология исчезновения из казармы была проста. Из тряпья сворачивалась «кукла», покрывалась простиныёй и закрывалась накомарником. А далее по тропе «Хо Ши Мина» самоход направлялся за пределы бригады к автодороге, ведущей в Гавану. Дежурный по части навещал поздно вечером или ночью казарму и фонариком просвечивал накомарники – всё, вроде, в порядке. После того как один самоходчик попался, дежурный по части уже не только просвечивал

накомарник, но и слегка приподнимал за дужку кровать, чтобы убедиться, что под накомарником не «кукла», а солдатик. Правда, говаривали друзья из ББО и МСБ, вместо «куклы» из тряпья под простынку прятали обрубок бревна.

Любил комбриг попариться в баньке и попарить там своих гостей. Особенно любил банные «развлечения» с кубинскими офицерами. Баня располагалась в 150 метрах от штаба танкового батальона и вплотную примыкала к душевой батальона. У комбрига был свой банщик из солдат ББО - настоящий сибирский кержак и, конечно же, он был на особом положении. Он протапливал баньку, поддавал пару и вениками из эвкалипта (эх, и замечательная вещь эвкалиптовые веники!) охаживал Владимира Дмитриевича и его подопытных кубашей, которые с ором вылетали из этой пыточной для них избы и верещали: «*Esto grande muerte!!!*», чем тешили самолюбие комбрига. После баньки они дефилировали в офицерскую столовую, и смею сказать, что не только чайком комбриг после баньки баловал кубашей.

Более из командования бригады никого не помню. Медсанчасть бригады возглавлял старший лейтенант медицинской службы Павлов Юрий, как он говорил: «Я единственный в бригаде офицер с высшим академическим образованием» (*он закончил Военно-медицинскую академию и ординатуру при ней*). Фельдшером медсанчасти был ст. сержант Сергей Никитин, который на жалобы о болящих местах применял два средства: первое – зелёнку, коей добросовестно и, не жалея её, мазал больную часть тела, а второе средство – вовнутрь слабительное в лошадиной дозе, после чего вся хворь куда-то пропадала. Медсестрами были 2 офицерские жены. Из врачебных способностей начмеда нас более всего интересовало, умел ли он, и делал ли операции по искусственному прерыванию беременности, но свято блюл врачебную тайну начмед.

Его рекомендация, есть соленые сухари и «пищу космонавтов» – авокадо, быстро поставили в нужное состояние мои внутренности после подхваченной мною «кубинки».

Командир 5 ОТБ полковник Пятибратов и начштаба капитан Куприянец. 1969 г.

7 отдельная мотострелковая бригада

В 1967-68 годах бригада состояла из танкового батальона (5 ОТБ), мотострелкового батальона (4 МСБ), батальона боевого обеспечения (ББО), зенитного дивизиона, который постоянно находился в полной боевой готовности и нес боевое дежурство на позиции, батареи минометчиков, ракетного дивизиона, особого отдела, ПАХ, муззвода, которые располагались на основной площадке бригады. Мы называли ее по наименованию близлежащей деревушки Манагуа, в которой жили офицеры с семьями (Манагуа-Нарокко, теперь я так буду называть место дислокации бригады). Кстати, речушку с гордым названием Амазонка мы величали несколько иначе, «Говняевка». 2-я площадка бригады, это Торренс, где дислоцировался 20-й батальон и ОСНАЗ.

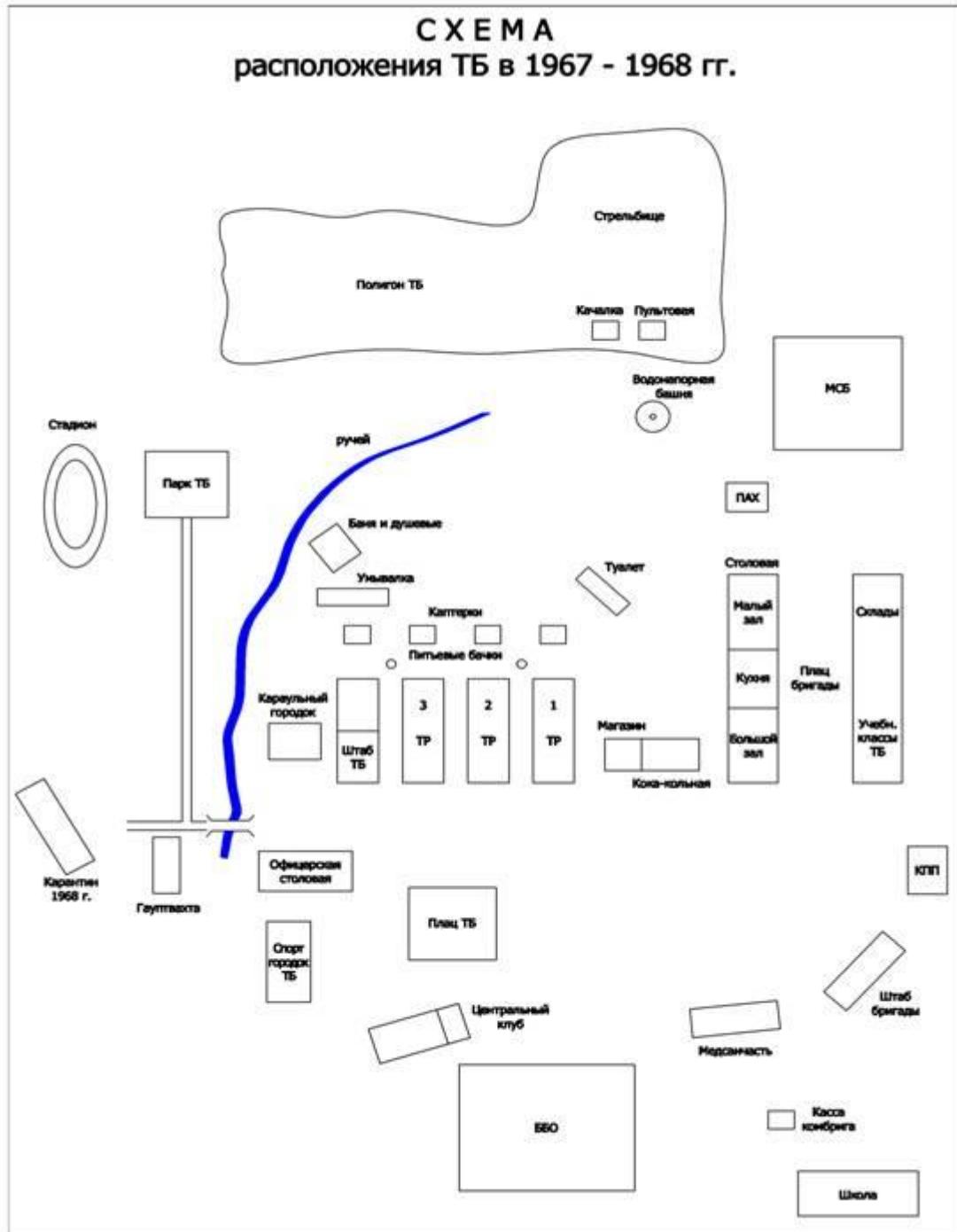
20-й батальон.

3-я площадка, это полигоны Артемиса и Канделярия, ну и 4-я, это офицерский дом отдыха и пляж в Гуанабо. Из капитальных сооружений в бригаде были только: штаб бригады, медсанчасть, офицерская столовая, солдатская столовая, учебные классы ТБ, находящиеся за солдатской столовой, казармы и штаб ТБ. Отдельный домик был у особого отдела. Остальные подразделения размещались в щитовых деревянных казармах. Но вот 20-й батальон размещался в шикарнейших бетонных казармах и там, на территории батальона, имелся предмет нашей зависти - плавательный бассейн.

Комбриг с семьей жил в отдельном домике, расположенном на территории бригады, офицеры с семьями жили в отдельных домиках в деревне Манагуа, а холостые офицеры в офицерском общежитии (касса холостяков).

А поле боя держится на танках!

5 отдельный танковый батальон

Не причисляя себя к славному роду войск, основной ударной силе армии, - танкистам, все же тешу себя тем, что пришлось бок о бок служить рядом с этой элитой сухопутных войск, и в «День танкиста» позволяю себе некоторую вольность - принять на грудь побольше, чем фронтовые 100 грамм.

Недаром, существовавшие в 1967-68 годах, 3-и танковые дивизии армии США имели наименования: 1-я ТД – «Железнобокие», 2-я ТД, еще круче – «Ад на колесах» и 3-я ТД – «Острие копья», воплощая в своих названиях суть танковых сил армии.

Батальон размещался вдоль основной асфальтированной дороги с бетонными трапецидальными кюветами, обсаженной пальмами, ведущей от КПП к стадиону в 3-х капитальных казармах, сложенных из кирпича, оштукатуренных и побеленных. Перекрытие казарм было из дощато-гвоздевых ферм с настланным по ним шифером. По периметру казарм располагались оконные проемы с деревянными жалюзи. Пол в казармах был бетонным с выпусками внизу стен для стока воды. Слева от входа размещалась тумбочка для дневального, а за ним, вдоль стены, находилась зарешеченная пирамида с оружием (автоматами и металлическим ящиком для боеприпасов). Койки располагались в 2 ряда. Между коек стояла тумбочка на 2-х. Под койку, к креплениям сетки, подвешивались ботинки с высокими берцами и вещмешок. Противогаз находился в ячейке над автоматом. Матрас и подушка на койке были поролоновыми, и их выносили на просушку между казармами каждые два-три дня. Накомарник на ночь натягивался за передние и задние дужки койки, а в изголовье верх накомарника крепился к деревянной распорке.

Всегда в дожди и в грязь должна работать связь!

Взвод связи

Место ввода связи и писарей штаба батальона было в самом конце казармы.

Емельянов Евгений, Максимов Михаил, Ежов Геннадий, Крупенько Сергей, сидит Пороховщиков Николай на фоне солдатской столовой. 1967 г.

Рядом с ротными казармами, в аналогичном строении, располагался штаб батальона, где по правой стороне помещения находились: комната

дежурного по части, учебный класс с наглядными планшетами по вооруженным силам армии США, комната писаря – машинистки секретного делопроизводства, комната писаря начарта, по левой стороне штаба были: кабинет начштаба, комната писаря начштаба, кабинет командира батальона, кабинет начарта, а в конце коридора располагался холодильник, который был затарен ящиками с «Кока-колой». Распоряжался этим напитком помощник дежурного по части, т.е., он продавал офицерам штаба и батальона «Коку» и закупал её на следующий день. Во второй половине помещения штаба, имеющего вход с противоположной стороны, располагались: учебный класс взвода связи и помещение, в котором творил батальонный художник, он же плакатист, он же белорусский татарин, Миша Хайрутдинов, по сути, писарь замполита батальона. С восточной стороны к штабу батальона примыкал, под деревянным навесом, караульный городок с макетами постов, где проходил инструктаж, заступающий в наряд караул. В этом городке на стене висел плакат со знаменитыми тремя командами часового на транскрибированном испанском и русском языках:

- «Альто! Альто! Къен биве? Альто! Бой асер фуэго!»,
- «Стой! Стой! Кто идет? Стой! Стрелять буду!».

Сзади казарм между 1-й 2-й, 3-й и штабом стояли 2 бетонных питьевых бачка литров по 150 литров каждый с привязанной на цепочке алюминиевой кружкой. Сзади бачков проходила, от столовой к мосту через «Говняевку-Амазонку», щебеночная, заасфальтированная в 1968 году, дорога. За дорогой в створе казарм и штаба располагались деревянные каптерки 3-х танковых рот и взвода связи. Слева от каптерки взвода связи размещалась батальонная умывалка и к ней под углом примыкала душевая с баней. С правой стороны от каптерки 1-й роты была расположена «изба-читальня», как мы называли батальонный ватерклозет. Очень тихое и спокойное место, где с интересом и читалась бригадная газетка. Как мы её величали – «брехунок». После того как осенью 1968 года сгорели 2 каптёрки танковых рот, было принято решение о строительстве на месте «Кокакольни» штаба батальона, а каптёрки разместить в реконструированном помещении штаба.

Впереди штаба батальона располагалась офицерская столовая, спортгородок и плац батальона, через который мы выходили на центральный клуб бригады. Между солдатской столовой и казармой 1-й танковой роты перпендикулярно им размещалась «Кокакольня», или проще, но по-русски – «Колокольня» со встроенным магазином, в которой мы оттягивались, по определению Н.С. Хрущева, буржуазным пойлом - сиречь «Кока-колой» или молочным коктейлем, состоящим из этого же напитка в сочетании со сгущенкой.

Магазин и «Колокольня». Привоз «Кока-Колы» Сзади солдатская столовая.
В 1969 г на этом месте был построен штаб 5 ОТБ.

Я, как рядовой, получал денежное довольствие, пять песо в месяц, что равнялось зеленой трёшке, которую получал рядовой в Союзе. Отчётливо помню, что бутылка «Бакарди» стоила 5 песо 80 сентаво, т.е., трёшки на бутылку не хватало. Кубинское песо равнялось 0.6 доллара. Вот оно и получилось: $0.6 \text{ доллара} \times 5 = 3 \text{ рубля}$. Ассортимент магазина представлял собой в основном бакалейные товары: сгущенка по 14 сентаво за 250 граммовую банку, шоколад по 50 сентаво за плитку, пачка печенья стоила 20 сентаво, банка тресковой печени стоила 25 сентаво, а фотопленка в тропической упаковке – уно песо, фотобумага – 60 сентаво за пачку. Пачка сигарет Aromas, Populares или Ligeros стоила 15 сентаво. Бутылочка «Коки» стоила с посудой 10 сентаво. «Коку» привозили кубинцы на специальной машине ежедневно. Помощники дежурного по частям, и кто-то из поваров офицерской столовой, закупали по несколько ящиков «Коки» и перетаскивали её в штабные холодильники. Продавщицей в магазине была армянка с весьма пышными формами – жена начальника снабжения бригады майора Погосяна.

*Кладется бром в солдатское питанье,
Чтоб от мечты про женское начало,
Из формы не торчало содержанье,
И по-пластунски ползать не мешало.*

Эта особа, и именно в период проведения батальоном утренней физзарядки, дефилировала, покачивая своими соблазнительными формами, в направлении гауптвахты, где хранились ключи от магазина, вызывая, видимо тешившими её уши, стон из сотни солдатских, со сжатыми накрепко зубами, ртов и тягучим, воющим от восхищения увиденного, звуком исторгаемым нутром всего батальона «У-у-у ссс-у-у-ка!».

Вообще, это словосочетание, произносимое в разной тональности, исторгалось солдатами во всех случаях, когда требовалось презреть или наоборот восхититься, либо выразить неодобрение или одобрение кому то из офицеров или вообще по иным поводам. Заходит в 9 утра на посадку в аэропорт ТУ-114, радостное - «У-у-у сссука!» - значит, почта пришла; прощается батальон с дембелями, завистливое - «У-у-у сссука!»; в столовой, повару, презрительное - «У-у-у сссука!», и т.п и т.д. в разных интерпретациях по разному поводу.

За мостом через ручей «Говняевка–Амазонка» вправо вверх вела щебеночная дорожка в парк танкового батальона. Матчасть батальона размещалась под металлическими навесами. За парком ТБ располагался танковый полигон для отработки навыков вождения и стрельбище (огневой городок) с качалкой для стрельбы из вкладного стволика и стрелкового оружия. Надо сказать, что весьма пересеченный рельеф полигона и стрельбища, был довольно специфическим для нас, приученных к плоскому профилю полигона и стрельбища в Союзе, аналогично которому соответствовал полигон в Канделярии.

Танкодром 5 ОТБ

Вооружение батальона составляли танки Т-55 со стабилизаторами пушки «Сирень» и укомплектованные радиостанциями Р-113. У начальника штаба был БТР-50 - великолепная командно-штабная машина, нафаршированная всевозможными средствами связи.

Штатное вооружение взвода связи составляли: радиостанции: Р-118 размещенная в кунге на ЗИЛ-157, Р-104 на ГАЗ-69, 4-мя Р-105, а также 4-мя телефонами ТА-57.

Отступление. Каково же было моё удивление, когда через 40 лет после службы в СА, в 2006 году, когда я организовывал строительство подъездной дороги для проезда Президента РФ Путина В.В. к показательной смотровой площадке ракет «Тополь М», увидел на посту охраны этого супер-пупер современного ракетного комплекса ТА-57. Удовлетворяя мое любопытство, офицер-ракетчик сказал, что этот аппарат и проводная связь оправдывают себя как наиболее защищенное от прослушивания противником информации передаваемой по проводным средствам связи, и как наиболее безотказное и надежное средство связи. Вот так!

Личный состав танкового батальона состоял из танкистов (механиков-водителей, наводчиков танковых орудий), прошедших учебные подразделения Киевского военного округа (г. Остер), Одесского и Ленинградского военных округов. Заряжающие - эти «люмпен-пролетарии» танкового экипажа, в основном, формировались из служивых других подразделений, у которых были проблемы с дисциплиной. В танковых экипажах их разбалансированность с воинской дисциплиной весьма успешно лечилась. Офицеры в основном были из Харьковского, Казанского и Ташкентского танковых училищ.

Во взводе связи служили ребята из России, Белоруссии, Литвы, Украины.

Форма одежды повседневная: берет, х/б рубашка с коротким рукавом, х/б брюки, носки и сандалии;

Парадная – тот же берет, п/ш брюки, носки и полуботинки, помню, что пиджак одевал только в феврале 1968 г.

В наряд в караул – ботинки с высокими берцами и маскхалат и берет.

В наряд по кухне и хозработы – нечто затрапезное, т.е., застиранные до предела б/у х/б брюки и рубашки.

Носки менялись через 3 месяца, сандалии через 6 месяцев, как и рубашка с коротким рукавом, а х/б брюки подлежали замене через год. Хозяйственное и туалетное мыло «Земляничное» выдавалось раз в месяц.

Повседневная форма одежды. Справа душевая ТБ. По дорожке мост ч/р «Говняевку» (Амазонку). За мостом виднеется помещение караулы и гауптвахты 1967 г.

Выезды за пределы бригады для отработки нормативов связи и также на полигоны Артемиса и Канделярия на разворачивание Р-118 были в форме кубинской армии, но ремень одевался со звездой.

Полевая форма одежды кубинских революционных вооруженных сил, но ремень советской армии.

Полигон Канделярия октябрь 1968 г.

При любом удобном случае на ноги одевались, выпиленные из досок по размеру ноги, деревянные шлепанцы с набитыми на них брезентовыми ремешками, но в центральный клуб их запрещалось носить, так как движение

подразделений батальона в клуб напоминало своим бацанием шествие колодников по этапу.

Каких-либо знаков различия у сержантского состава не было. Офицеры носили легкие сетчатые шляпы.

Отступление. Нам рассказывали, что американскую разведку очень интересовало, чем отличаются шляпы старшего офицерского состава от младшего, в связи с чем однажды на пляже в Гуанабо у всех офицеров шляпы исчезли. Разочарование ЦРУ США - шляпы были все из одного материала.

Танкисты и ракетчики на полигон выезжали в комбинезонах, мотострелки и прочие подразделения – в маскхалатах.

На экскурсии и выезды в Гавану в сухой сезон форма одежды была парадная. О специфике форме одежды для парадов по случаю 50-илетия Великой Октябрьской Социалистической Революции и Советской Армии я расскажу несколько ниже.

Преодолев все тяготы и трудности военной службы в Союзе, вновь началось их преодоление, но уже в условиях жаркого и влажного климата Кубы и специфики службы в тропиках, да еще в особых условиях страны пребывания, где всего лишь 8 лет назад произошел очередной переворот и волею руководства Кубы начался этап перехода на коммунистический путь развития страны, но со своей латиноамериканской спецификой.

Не хочу давать оценку и анализ произошедшего на Кубе в этот период политической ситуации, но нам на политзанятиях преподносилось, что мы являемся малым форпостом Великой Страны и посланы для защиты идей строительства коммунизма в первой свободной стране Америки от посягательств мирового империализма в лице ее акулы - США. Политическая обстановка характеризовалась определенной напряженностью во взаимоотношениях Кубы и СССР из-за вывода наших ракет с Кубы и идеологическим расхождением в проводимой политике построения коммунизма и экспортом революции на остальные государства Латинской Америки.

Определенной спецификой того времени явилось то, что в армии существовал более жесткий режим секретности, связанный с последствиями предательства полковника О.В. Пеньковского. В Союзе, а уж тем более на Кубе, запрещалось писать в какой части проходит служба, хранить полученные письма, запрещалось фотографироваться на фоне боевой техники и вместе с командирами, запрещалось в письмах описывать распорядок дня, прохождение учений, да и много было ограничений, о которых уже не помню, но было их все равно достаточно. Начальник особого отдела бригады регулярно «приглашал» к себе служивых, у которых были фотоаппараты, и просматривал проявленные фотопленки, отсекая кадры, которые не соответствовали особым требованиям. Система отслеживания была до дури проста – фотоувеличитель и электроглянцеватель был только у бригадного фотографа и в типографии, ну а далее все элементарно. Также запрещалось делать вложения в письма в виде открыток Кубы, каких-либо вырезок из кубинских журналов и т.п.

Часть 4: Полевая почта

Оторванность от дома, друзей, любимой, скрашивали письма из Союза. Вместо периодики - газет и журналов - в бригаде еженедельно выпускался информационный листок с отфильтрованными в нем заметками из разных центральных газет, сейчас это носит название «дайджест», а от нас он получил прозвище «Брехунок». Разнообразие вносили политзанятия с освещением происходящего в Союзе. Последним средством информации было конечно телевидение. В Ленинской комнате показывал и вещал всего 2 программы телевизор американского производства. Незнание испанского языка ограничивало просмотр телепрограмм, но любимой заставкой к некоторым программам была мультишака, в которой появлялась корова Матильда, которая, приплясывая и потрясая выменем, пела какую-то речевку, в остальном все было неинтересным и непонятным, а бейсбольные матчи, что транслировались каждые 2-3 часа, также были непонятны из-за незнания правил этой игры и рева кубинских фанатов.

«Из всех искусств, для нас важнейшим является кино!» - этот ленинский постулат оправдывал себя на Кубе. Кинофильмы для нас крутились ежедневно после ужина перед отбоем. Необходимо отдать должное политорганам, репертуар фильмов был весьма разнообразным и никогда не повторялся. Это была ниточка связи с Родиной и слабенькая профилактика от искушения совершить несанкционированный вояж в Гавану.

Необходимо отметить, что полевая почта, по крайней мере, для проходящих службу на Кубе, работала четко и оперативно. Мои письма с Кубы до Иваново доходили за 4 дня, так же и обратно. Уловив, что при такой быстроте доставки писем военная цензура вряд ли смогла бы проверять всю корреспонденцию, в последующих письмах, сначала эзоповским языком, а потом уже и напрямую начал рассекречивать место пребывания и другую специфику жизни и несения службы в тропиках. Все мои письма к моей будущей жене сохранились до сегодняшнего дня.

Все мои письма будущей жене за 1967-68 годы.

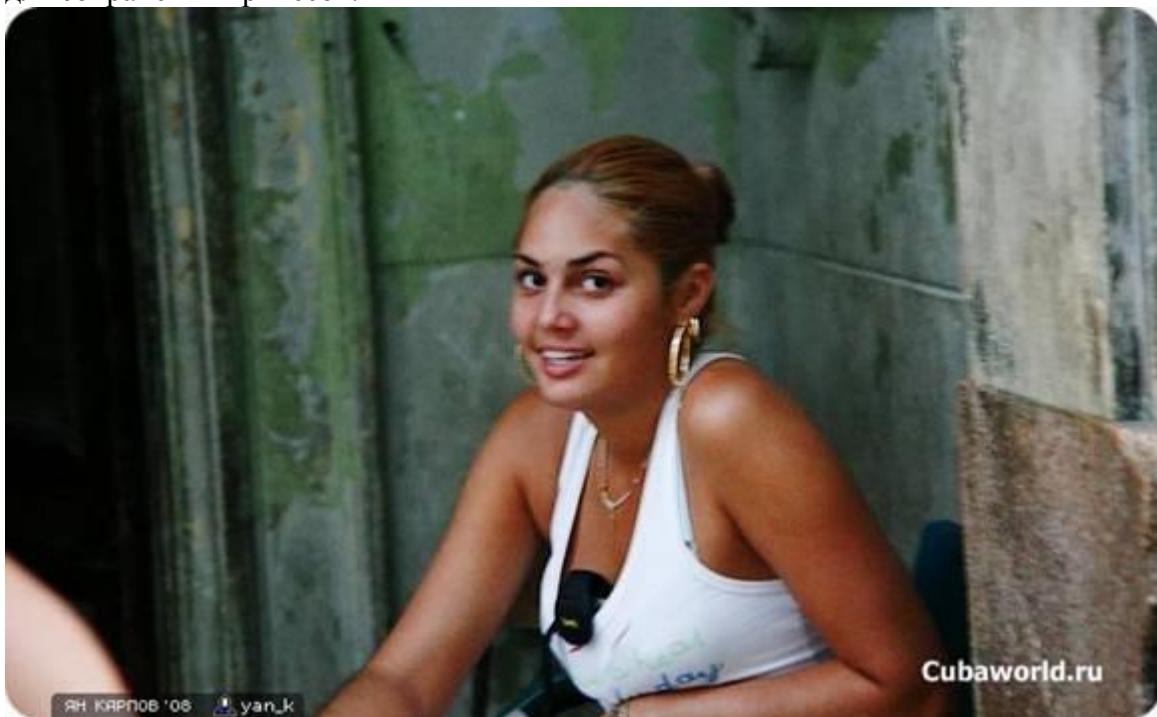
Отступление. Но вот одно письмо, пришедшее в ноябре 1968 года на мое имя из столицы Франции - Парижа, ошеломило не только меня. Вручил его мне сам начальник особого отдела бригады, проведя перед вручением предварительный допрос о том, кто это письмо мне написал, откуда этому человеку известен мой адрес, хотя я более чем уверен, он весьма досконально ознакомился с его содержимым. Пикантность ситуации заключалась в том, что это письмо было от моей учительницы французского языка Камилы Тимофеевны Лешуковой (светлая ей память, скончалась она всего лишь год назад), которая находилась в это время на языковой стажировке во Франции по какому-то межправительственному обмену учителей. Было ей тогда всего-то 34 года. Я неплохо у неё учился и довольно сносно знал французский язык еще и потому, что моя бабушка, окончившая еще до революции Иваново-Вознесенскую (а так до 1919 года назывался город Иваново) частную привилегированную гимназию Крамаревской, практически в совершенстве владела французским языком, любовь к которому передала и мне. Перед отъездом во Францию Камила Тимофеевна от моего среднего брата, учившегося у неё, узнала мой адрес. В то время попасть за границу можно было в страны соцлагеря. «Курица не птица, а Болгария не заграница» такова была поговорка того времени, когда «железный занавес» начинал подниматься. Но попасть в капитаны было весьма и весьма непросто. А как не похвастаться, что простая рядовая учительница попала аж в саму Францию на трехмесячную стажировку! Вот и от ошеломляющей её радости и впечатлений, Камила Тимофеевна и написала мне на трех листах на бумаге с фривольными цветочками во французском конверте. По правде, ничего особенного, кроме описания красот Парижа, в том письме не было, да и о ценах на продукты и одежду, но все же это было письмо из страны-члена НАТО. Письмо, после прочтения, я уничтожил, а вот конвертом хвастался перед сослуживцами. До сих пор не понимаю, как оно прошло через военную цензуру и достигло меня, но с тех пор особисты испытывали ко мне особое внимание, в чем преуспел Володя Гладченко, на правах бывшего однополчанина, весьма часто посещавший для дружеских бесед и воспоминаний мой кабинет в штабе батальона.

А вот до моих друзей, служивших в Группе Советских войск в Германии и в пограничных войсках на границах с Финляндией и Норвегией, письма шли 6 дней. Более «интересная» переписка велась с моими друзьями, служившими в Группе Советских войск в Германии. Интерес тут был обоюдным. Из Германии я получал в письмах вложения в виде сеточек для волос, что являлось предметом ченча с кубашами, а взамен я отсыпал переводные картинки со всевозможными крутыми рисунками, которые были нанесены в виде синих аппликационных контуров на папиресной бумаге и переводились, предварительно намоченные, на ткань горячим утюгом. Эти аппликационные рисунки носились до первого дождя или стирки. Редко, но, все же минуя военную цензуру, доходил самый дефицитный товар для ченча и обмена – женские нейлоновые чулки. У кубинок это был писк моды. А для того, чтобы все видели обладательницу, что ни на есть самого, дефицита и кича, особенно мулатки в суперкоротких мини-юбках надевали широкие белые резинки, перехватывающие стройные ноги выше колен. Резинки придерживали чулки, которые были несколько приспущенны на ноге и напоминали гармошку. Мулатки носили такие чулки потому, что если их надеть внатяжку, то не видно – есть чулки или нет. И те, у кого они есть, хотели показать товар лицом, так как широкие белые резинки и чулок гармошкой видны издали.

Cubaworld.ru

Отступление. О красоте, женственности и обаянии кубинок ходят легенды и, хоть немного я побывал на Кубе, могу сказать – заслуженно говорят (необходимо помнить, что я родом-то из Иваново, а, как всем известно: Иваново – город невест!) На Кубе особый тип женщин. Кубинская мулатка! Сколько страстей кипело вокруг нее. Тонкие, длинноногие, они вобрали в себя красоту и обаяние многих поколений, разных национальностей... Мулатки были разные: мулатка морена, мулатка – кафе кон лече, мулатка – чина и мулатка – сальса (смуглая мулатка, мулатка кофе с молоком, китайская мулатка и сладкая мулатка), но всех их объединяла игривая походка и веселые, стреляющие во все стороны, прекрасные карие глаза. И смею утверждать, что наиболее ходовым товаром не столько для ченча на песо, а для иных бартерных сделок, были именно чулки, парфюм и сеточки для сохранения причесок.

Cubaworld.ru

ЯН КАРПОВ '08 yan_k

Где предел твоей длинноногости?

Онемев, оробев, стою

И ловлю, как последние новости,

Журавлиную поступь твою.

- Боже ж мой,-

Говорю в изумлении, -

На каком перекрестке дорог

Жизнь ценой десяти поколений

Красоту оплатила впрок?

Но, свои забирая трофеи,

На слияниии каких кровей

Замешали недобрые феи

Горький хмель красоты твоей?

Десять капель испанской гордости,

Чтоб смелее смотрела ты.

На разбавку наивной молодости

Африканской плеснуть черноты.

В острый взгляд – осторожность индейца,

Чтоб могла на себя надеяться.

Прямо в губы – голос Италии...

И отметила чья рука

Неинурованность тонкой талии -

От фламандского моряка.

Ну а сверху, в бокал намешанный,

Для затравки, для полноты,

Нашей русской, до боли бешенной

Просветляющей красоты.

Кто творец твоего искусства?

Кто поднимет живой бокал,

Опьяняющий до бесчувствия,

Утоляющий чувств накал?

Испанский язык

Страна пребывания – Куба. Язык страны пребывания – испанский. По-испански до Кубы я знал только революционные фразы «*Patrio o muerte! Venceremos!*», звучавшие по телевидению в передачах, связанных с революцией на Кубе. В обычных школах в Союзе изучали только английский, французский да немецкие языки. Я в школе изучал французский и, в пределах школьной программы, достаточно хорошо им владел. Правда, в Иваново часто звучала испанская речь, это разговаривали между собой дети испанских политэмигрантов. Все дело в том, что в Иваново находилась единственная школа для детей политэмигрантов из всех стран мира, в которой учились даже дети Мао Цзэдуна.

Испанский, французский, итальянский и румынский языки относятся к южной группе романо-германских европейских языков, и я легко улавливал в испанских словах родственные им французские. Но первое знакомство с испанским языком, а точнее с его скабрезными словами, произошло сразу - же по пути в карантин. А вот уже в батальоне началось пополнение и совершенствование словарного запаса. В разговорах между собой в предложениях русские слова были заменены на: рубашка – «камиса»; сандалии или вообще обувь – «сапаты»; казарма, дом – «каса», теплоход, судно – «барка», командир – «хефе» или «гранде хефе» в зависимости от звания и т.п. Перед нами, молодыми «старики» шиковали знаниями испанских фраза. Команда «Отбой!» утихомирились служивые, как вдруг из какого-то угла раздается «Буэнос очес, Вова!», а в ответ звучит благодарность: «Муй мучес аградесидо, Саша!». За пять минут до подъема повторяется все с точностью до наоборот, теперь Саша поздравляет Вову с добрым утром: «Буэнос диас, Вова!», ну а тот с галантностью испанского гранда отвечает: «Эткантада де берле!» (очень рад). Эти хохмы продолжаются постоянно. В курилке Саша обращается к Вове: «Вова! Даэме муа пор фавор уно сигарильос!», на что Вова отвечает: «Самому сессарио сигарильос!». Или ещё. Вова задаёт Саше вопрос: «Ке ора эс?», (который час?), а тот, у которого часов-то и не было никогда, вперив очи в кубинское «ярило», отвечает: «Аора синьку ора» (сейчас пять часов). Упсон, да и только! Но со временем словарный запас пополнялся, и при выездах в Гавану уже шло общение с кубинцами хоть на корявом, без спряжения глаголов и постановки во времени существительных, но весьма живом испанском языке. Наиболее быстро овладевали испанским языком молдаване.

Особо знание испанского языка требовалось водителям, совершившим поездки по дорогам Кубы и улицам населенных пунктов. В отличие от дорожных знаков, принятых в Советском Союзе с пиктографическими знаками, на Кубе дорожные знаки на своих табло имели надписи. На белые квадратные таблички были нанесены запрещающие надписи красным цветом на испанском: NO DERECHA (правый поворот запрещен), NO IZQURDA (левый поворот запрещен), NO ANELANTAR

(обгон запрещён), NO POBLE (поворот назад запрещён). На треугольном знаке желтого цвета с красной окантовкой (наш дорожный знак 2.4 «уступи дорогу») нанесена надпись CEDA EL PASO того же значения. На знаках желтого цвета в виде ромба надписи черным цветом сообщали DEVIMENIO IPPECULAR (неровная дорога), ESTRECHO LA VIA (узкая дорога), PUENTE ESTRECHO (узкий мост). Дорожные знаки на Кубе весьма запутаны для восприятия их русскими. Испанский - красивый и четкий в артикуляционном произношении язык, про который наш первый русский академик Михайло Ломоносов говорил, что на этом языке только с Богом необходимо говорить, а вот на французском – с друзьями, на итальянском – с дамами.

Че

С 15 октября 1967 года Куба была погружена в 30-и дневный траур. 8 октября 1967 года в Боливии спецназом боливийской армии, подготовленным ЦРУ, Че был ранен и взят в плен, а после зверских допросов 9 октября был расстрелян. На разводе бригады национальный флаг Кубы с черной траурной лентой приспускался на третью флагштока. Кубинским Правительством был отменен карнавал, что для Кубы явилось беспрецедентным событием. По этому, в феврале 1968 года карнавал не потрясал Гавану, ну и мы, наслышанные об этой феерии, остались без этого зрелища.

Отступление. Его редко называли полным именем по-испански, пышным и благозвучным.

«Эрнесто Рафаэль сын Эрнесто Гевары Линча и Селии де ла Серна де Гевара» таково полное имя борца за свободу Кубы.

Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна Линч вошел в историю под коротким именем – Че. Итак, Эрнесто Че Гевара – Че (*«Че» по-испански в аргентинском варианте этого языка не что иное, как дружеское междометие, усиливающее звучание основного слога*).

Родился Че 14 июня 1928 года в аргентинском городе Росарио. В ноябре 1966 года Че объявился в Ла-Пасе (Боливия) под псевдонимом «Рамон» и начал активно создавать подпольные полевые склады оружия, формировать повстанческие отряды и разворачивать тренировочные лагеря, а также организовывать студенческие волнения и акции неповиновения властям. Гевара являлся типичным левым экстремистом, исповедовал «кастровский» вариант марксизма. «Товарищ Че» непоколебимо верил в «экспорт революции» и намеревался разжечь мировой пожар на страх всем буржуям обеих

Америк, что и предопределило его судьбу. 23 октября 1966 Эрнесто Че Гевара покинул Кубу и на базе подготовки партизан оказался в Боливии.

В Боливии его уже ждали. План уничтожения его отряда под кодовым названием «Операция «Синтия» лично утвердил президент США Линдон Джонсон и директор ЦРУ Ричард Хелмс. За голову Че была обещана награда - 4 200 долларов – сумасшедшие деньги для местных крестьян. Чтобы не допустить вторую Кубу, ЦРУ начало за ним охоту. 8 октября 1967 года, благодаря доносу информатора Сиро Бастоса, отряд партизан во главе с Че попал в ловушку. В бою при Куебрала-дель-Юро солдаты прострелили ногу Че. Вечером 8 октября 1967 года Че и его люди были отконвоированы в деревню Ла Игера. В полдень 9 октября из столицы Боливии Ла-Пас пришло распоряжение президента Рене Баррьентоса Ортуньо: «Приступить к уничтожению сеньора Гевара». Убит Че был в 13 часов 10 минут 9 октября 1967 года вблизи боливийского селения Игерас. Приговор привели в исполнение сержант боливийской армии Бернардино Канка и капран Марко Теран.

Жизнь, дело и даже гибель команданте - майора Че Гевары – снискали ему уважение не только среди единомышленников, но, как ни странно, и среди его заклятых врагов. Задним числом и они признали и оценили его преданность своим идеалам, его кристальную честность, неподкупность и чистоту – качества, редкие для современных политиков.

Его убийцы закончили плохо. Первым открыл список «замогильных жертв команданте» не кто иной, как сам президент Боливии Рене Баррьентос Ортуньо, издавший приказ о его казни. Вертолет, в котором он летел, взорвался в воздухе 27 апреля 1969 года в окрестностях боливийского местечка Арке. Не прошло и 3-х месяцев, как от рук неуловимых мстителей погиб, сдавший Че, крестьянин Онорато Рохас. Последними в цепочке жертв легендарного команданте стали два рейнджера, непосредственные исполнители смертного приговора: капран Марко Тэрран и сержант Бернардино Канка. Правда, они остались живы, но напрочь спились.

Останки Че были найдены лишь в 1997 году под взлётно-посадочной полосой у Вальегранде и возвращены на Кубу. 16 октября 1997 г. с воинскими почестями прах легендарного команданте упокоился в мавзолее революционеров в кубинском городе Санта-Клара. И по сей день образ Че является последним романтическим образом революционера-мученика.

Несомненно, высшие почести при погребении Че заслужил своей борьбой за Кубу. Но куда большую услугу кубинской революции Гевара оказал своей героической смертью. Мертвый Че обессмертил себя и революцию.

*Налейте рому, дайте гитару!
Давайте вспомним про Че Гевару
Мы, команданте, вас не забыли,
Где же те гады, что Вас убили?*

*Звезда горела над горизонтом
И в вашем сердце, подобно солнцу.
Вот Вас не стало, звезда погасла,
Но жизнь прожили Вы не напрасно.*

*Цветёт Гавана, в веселье люди.
Мы, команданте, вас не забудем.
Ведь во всём мире зимой и летом
Мы носим майки с вашим портретом.*

*Надолго в мире живёт химера,
Стальная воля, святая вера.
Вы остаётесь в душе народа
Всегда героем, девиз – свобода.*

*Я был на Кубе – святые лица!
От нас ушли Вы, чтоб возвратиться.
Всегда Вы были для нас примером,
Мы будем помнить Вас офицером!*

*Я бы устроил «веселье» Штатам –
Их президенту в штаны гранату.
Люблю я Кубу. Какие люди!
Мы, команданте, вас не забудем!*

Суровые солдатские будни

Спецификой службы в тропических условиях было, так называемое, «свободное время» или «сиеста», которое наступало после обеда. В это время обычно, чуть ли не по расписанию шел тропический ливень, и личный состав батальона переваривал, предаваясь в объятия Морфея, обеденные харчи, лёжа на койках под москитными сетками. Но сей «тихий час» раз в неделю взрывала команда дежурного по части: «Боевая тревога!» и, в спешке одевшись, разобрав оружие, противогазы, под тропическим ливнем, проклиная отцов-командиров, бежали в парк. А мне и Феликсу Романаускасу (конечно, как самым молодым во взводе связи) приходилось нести ещё и тяжеленейший железный ящик с боеприпасами, почему то окрашенный в голубой цвет. Наверху, у парка звучал глас дежурного по части: «Отбой боевой тревоги!» и промокшие, по скользкой дорожке спускались вниз к казармам, естественно поминая словами из ненормативной лексики командира-затейника, устроившему нам забаву по легкой атлетике совместно с водными процедурами, и заодно писарей, которые только перебегали из казармы в штаб батальона.

Учеба

Служба в армии на Кубе, как и в Союзе, состояла из трёх ипостасей: учебы, в которую входили тренировки и учения, нарядов - очередных и внеочередных, парковых дней и хозработ.

Учеба во взводе связи велась по отработке и совершенствованию нормативов развертывания/сворачивания средств связи и скорости передачи по ним цифровой информации. Особенностью передачи речевой информации было то, что выход в эфир осуществлялся на испанском языке с помощью кодировочных таблиц, меняемых раз в месяц. «Segundo yo Primero! С-cuatro!» - раздавалось в наушниках у командира танка. Он смотрел на листе бумаги в квадрат, озвученный цифрой и буквой, прочитывал в нем текст и выполнял по нему команду «Первого». Но и бывало, на танкодроме или на учениях в Канделярии, наблюдавший за действиями экипажа «Первый» не мог сдерживать эмоций и выходил в эфир с весьма сочными русскими идиомами, которые не поддавались переводу прослушивающими эфир вражескими империалистическими агентами.

Учеба во взводе связи включала в себя и взаимозаменяемость. Мне пришлось выучить азбуку Морзе, но только в цифровом формате, и я мог принимать и передавать группы цифр на телеграфном ключе. До сих пор

помню: 1 - (точка и четыре тире) «Куда бежала»; 2 - (две точки и три тире) «Я на горку шла»; 3 – (три точки и два тире) «Идут радисты»; 4 – (четыре точки и тире) «Командир полка»; 5 – (пять точек) «Это будет пять»; 6 – (тире и четыре точки) «Я телеграфист»; 7 - (два тире и три точки) «Дай, дай закурить»; 8 – (три тире и две точки) «Молоко кипит» и 9 - (четыре тире и одна точка) «Папа маму тык». Затем пришлось научиться набору текстов на телеграфном аппарате СТ-35, что весьма пригодилось впоследствии.

Наряды

Самыми лучшими и лёгкими нарядами считались ночные сторожевые по охране, от сильно жаждущих попрактиковаться в совершенствовании знаний испанского языка «совьетико компаньеро», с юными сеньоритами, живущими в расположеннном рядом с бригадой женском интернате, а также по охране населенного пункта Манагуа, где размещались семьи офицеров бригады.

Окраина Манагуа. Дома, где жили семьи офицеров.

В первом случае наряд был с офицером, а во втором охрану покоя офицерских семей несли вдвоём с оружием. Хорошие это были наряды – ночь отходили, а с утра и до обеда заваливались отсыпаться.

Караульная служба тоже была не в тягость. В караул отправлялись в масках на голове, беретах и ботинках с высокими берцами. В своём первом карауле, находясь на посту в третьей смене, а это было в сухом сезоне - осенью, я чуть не открыл стрельбу, а все дело было в том, что с листьев пальм (не королевских и не финиковых), склонившихся над крышами навесов над танками, при порывах ветра сыпались созревшие орешки величиной с ноготь. Ощущение было таково, что словно кто-то из кромешной тропической темноты бросал мелкие камешки для того, чтобы отвлечь часового. Весной приходилось осторегаться не столько врагов, сколько укусов пауков - «Чёрная вдова», у которых в это время начинались любовные забавы, после которых паучиха съедала паука. За время службы случаев укусов этих пауков не было. В карауле ночью в мае 1968 г. и увидал я на южном склоне неба созвездие, которое видно в южном полушарии – Южный Крест, пять звёзд в виде вытянутого ромба.

Наряд по кухне всегда особая тема. Наряд по кухне это «король» всех нарядов, а прикид для этого наряда была весьма затрапезного вида, как у французских клошаров середины 18 века, в котором, увидев бы меня, моя маменька долго бы приходила в себя. Солдатская столовая состояла из 2-х обеденных залов – большого и малого, разделенных между собой кухней. В большом зале вкушала пищу богема бригады: танкисты, реактивка, минометчики, зенитчики и особый отдел, а малый зал был отведен для батальона боевого обеспечения и мотострелкового батальона. На кухне в Союзе «божьим наказанием» был овощной цех, где милым развлечением была чистка огромного количества картошки. На Кубе бог миловал эту «забаву». Все основные продукты со склада на кухню поступали в консервированном или в сухом виде в пятикилограммовых банках, а свежая российская «патата» (картошка) в ящиках.

Отступление. Лет через 7-10 в России в продаже появилась кубинская патата (картошка) в сетчатых мешках с приклеившимся к кожуре остатками кубинского краснозёма.

Картошки поступало на кухню не более 5 ящиков, и шла она для придания вкусового эффекта только в супы, которые, впрочем, были тоже из банок. Из банок были щи, борщ, сухой лук и сушёная морковь. Масло тоже приходило в 5 кг. банках. Сахар-рафинад был в синеньких пачках, что продавался проводницами в ж/д вагонах с чаем. Одно только подсолнечное масло было только из металлической 200-х литровой бочки. О вкусовых качествах солдатского харча сильно распространяться не буду. Что можно сказать о картофельном пюре из сухой картошки, разведенной кипятком? Только одно – дрисня в тарелке и клейстерная замазка во рту. Разнообразием обеденного стола на десерт, если его можно было так назвать, ежедневно были апельсины, доставляемые в столовую в мешках. Лимонные деревья росли по пути в столовую, и даже недозрелые лимоны употребляли с вечерним чаем. Но вот что было прекрасного качества, так это хлеб, который

выпекался в ПАХе, находящемся в 200 метрах от столовой. За хлебом каждое утро приезжала машина из посольства.

Священнодействовали на кухне два повара из гражданских, да в помощь им поступал повар из ротных кухонь батальона (для тренировки и отработки приготовления пищи в таких гигантских количествах). Эти два кухмайстера были ражими мужиками и махали разливными черпаками аки чайными ложками. Эх, до чего же замечательные котлетки они готовили на обед, отсекая и не подпуская к противням никого из кухонного наряда. А у нас руки чесались от желания уменьшить их количество, но эти церберы жарили и запрятывали от соблазна эти котлетки в запираемый шкаф. За 15 минут до начала обеда раздавался зычный рев одного из поваров «К раздаче!» и начиналась суэта. Эти два мужчины черпали первое из автоклавочных котлов и разливали содержимое по дюралюминиевым кастрюлям, которые мы ставили в два яруса на каталки и бегом развозили по залам и расставляли по столам, затем этот же процесс повторялся со вторыми блюдами. Шлепок гарнира в кастрюлю, приложение к гарниру котлетки в алюминиевой тарелке и вперед к столам. До этого в хлеборезке получали нарезанный хлеб, на ужин сахар и порционные кусочки масла, а к завтраку только масло к «бурдейному» напитку – чем-то напоминающим кофе со сгущенкой. Завершалась сервировка стола чайником с кофе, компотом или чаем.

После обеда посуда свозилась на кухню, освобождалась от остатков пищи и погружалась в ванну с кипятком. Поразило меня и ещё то, что ложки нанизывались на защепку, подобной английской булавке – в Союзе я с таким не сталкивался. Бетонные столешницы после обеда промывались кипятком, а кастрюли, алюминиевые тарелки, миски и ложки (вилок не было) один раз в день, после промывки в кипятке, еще и споласкивались для дезинфекции в слабом растворе хлорки, запашок от которой при переборе концентрации «щекотал» ноздри на завтраке.

Самым кайфовым в кухонном наряде было то, что поздно вечером, когда на кухне оставался только наряд, делалось жаркое из «сэкономленной» картошки с «сэкономленным» мясом (мясо «экономилось» при перевозке его из складского холодильника в столовую), ну и сдабривался сей кулинарный шедевр добытым невероятным трудом алкогольным напитком, что очень как-то сближало весь наряд в преодолении доставшихся трудностей.

Было ещё два вида наряда на работы: наряд за льдом и, от чего до сих пор вздрагиваю, наряд в порту. Первый – заключался в том, что двое солдат и офицер, обычно холостяк, выезжали в Гавану на фабрику «хеладо» за пищевым льдом, для чего тентованная автомашина ГАЗ-53 была оборудована, за исключением 2-х сидячих мест сзади у борта, во весь кузов ящиком обитым жестью. Это был самый замечательный наряд. Прелесть его заключалась в том, что офицеры – молодые еще ребята – могли себе позволить отлучиться на несколько часиков (они тоже не были людьми с железной силой воли, чтобы устоять перед искушениями в виде прекрасных и доступных сеньорит), или, по получении льда, совершить экскурсионную

поездку по улицам Гаваны. На этой фабрике льда для нас стояли две бочки с колотым льдом, в которых, на любителей, охлаждались бутылки с мужским и женским, подслащенным, пивом. Под покровительством бога торговли Гермеса в этом священном месте и происходили бартерные операции, или, проще говоря, ченч.

Отступление. Не от хорошей жизни на Кубе процветал обмен товаров на песо. В период экономической блокады, установленной США, на Кубе практически всё строго лимитировалось и продавалось по карточкам (тархета). Естественно, где спрос, там и предложение. В обмен шло всё: мыло, одеколон, духи (парфюм), носки, рубашки, брюки, «сэкономленное», но только в пятикилограммовых, фабричной упаковки, банках масло и ещё что-то, уже и не помню, что.

Погрузив огромными металлическими захватами призматические куски льда килограмм по пятьдесят в оцинкованный ящик, покатавшись по Гаване, возвращались перед обедом в бригаду и развозили, предварительно расколов лёд на более мелкие куски, по питьевым бачкам. Каких-либо заболеваний, связанных с некачественной водой за период службы не было.

А вот второй наряд в порту, особенно с мукой, был «бичом Божиим». В Гаванском порту (в котором нам категорически запрещалось фотографироваться – часовые или охрана порта стреляли в человека с фотоаппаратом без предупреждения) были склады с продовольствием и холодильники с мясными тушами. В одном из складов находились штабельные клетки, состоящие из нескольких рядов мешков с мукой. Чтобы мука не слеживалась, эти мешки необходимо было вертuhать, перекладывая их в штабелях. Мешок с мукой весил 50 кг, но это внизу, а наверху двухметрового штабеля, куда его надо было подать, он уже весил, как нам казалось, значительно тяжелее. Через 7-10 минут тело покрывалось мучной пылью, от пота эта мучная пыль превращалась в мучной клейстер, как соплями, покрывавший все лицо, брови, тело и волосы на голове, стягивая их в корку. Вертuhаемый мешок выскользывал из рук, обмазанных клейстером, и шлепался на пол. Помещение с мукой не проветривалось.

Мучная пыль висела в воздухе, забивая рот и нос. Дышать становилось тяжело. Температура в помещении стояла за 30 градусов.

Обмывшись водой и смыв это желеобразное клейкое вещество с тела, вновь приступали к вертuhанию мешков и перекладки рядов. И через десять минут опять то же самое, и так с 9 утра до 5 часов вечера с перерывом на обед, который в рот не лез. Каторга, да и только. Пока мы, молодые, а такую ответственную работу, естественно, поручалась делать только молодым, наращивали мышечную массу, вертuhая и поднимая на верхние ярусы рядов мешки с мукой, ребята, что были на год нас постарше, отбарабанив свою работу в холодильнике, шустро исчезали из складов, нижним чутьём минуя засады особистов, в поисков амурных утех с «путас» (это тоже самое, что и путаны) в «Casa de cite» (Дома свиданий), которые еще полулегально функционировали в портовом районе Гаваны. После этих утех они нам ужеказать помочь были не в состоянии. Да и немудрено, так как

у сутенеров, предлагавших на портовых улицах «совьетико компаньерам сесарио фоки-фоки кон сеньорита», и в портовых злачных заведениях Гаваны ходила следующая поговорка: «Кубано компаньero - уно пало синьку песо, а Советико компаньero – синьку пало уно песо!».

*Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор!*

Хозяйственные работы

Это знаменитое изречение можно было отнести в определенной степени и к нам служивым, а не к стройбатовцам. Я думаю, что каждому, служившему в армии, смело можно присваивать профессиональное звание – землекоп второго разряда. Основными работами на территории батальона были работы по окапыванию травы на газонах и рубке тропического кустарника на закрепленной территории, да еще санитарная уборка казарм и столовой каждую пятницу во второй половине дня. В казарме койки ставились на второй ярус, подходила водовозка, и бетонный пол обильно поливался водой. Резиновыми швабрами с половины казармы вода стекалась через продушины, устроенные на уровне пола, на рельеф, затем койки переносились на вымытое место и процесс повторялся. Аналогично мылся пол в столовой, только вместо коек сдвигались обеденные столы.

В январе и начале февраля 1968 года для взводов связи и подвоза батальона был выдан «аккордный» наряд на работу по строительству капониров для танков и сооружений на танкодроме. Оба взвода были освобождены от учебных занятий, несения караульной службы и нарядов по кухне. Взводу связи было определено возведение эстакады и капониров для защиты танков от ударов авиации. Капониры прорубались внизу на южном откосе известняковой возвышенности, на которой размещался танковый парк. Способ возведения был простой – буровзрывной. Место под эстакаду для танков располагалось неподалеку от устраиваемых капониров. Техника, а именно, передвижная компрессорная установка, бетономешалка и электрогенератор, были китайского производства, необходимо отметить, что и мачете тоже были китайские. Работы были организованы в 2 смены: дневную и ночную. Слава богу, что эти работы пришлись на январь и февраль, когда дневные температуры были 23-25 градусов, ночные составляли 18-20 градусов, а однажды в середине февраля ночью было аж $+14^{\circ}\text{C}$, вот это был дубак, скажу я вам. На этой стройке я прошел ни с чем несравнимую практику строительных работ, которая и определила мой последующий выбор профессии инженера-строителя. В известняке бурились шпуры, в которые саперы закладывали аммонит. Далее электроогневым способом эти заряды подрывались. Перед взрывами, по сигналу, мы уходили в защищенное место. Бурение шпуров шло пневматическим ручным буровым станком, а стенки капонира обрабатывались киркой или пневматическим отбойным молотком. Известняковая пыль часто забивала отверстие в

буровой штанге, и мученьем было, проволочкой с подкапыванием водой, прочищать, сцементированное пылью, забитое отверстие. Хорошо, что склон был сложен из мягкой горной породы – известняка, и устройство капониров было досрочно завершено. При возведении эстакады пришлось освоить арматурные, опалубочные и бетонные работы. Из стальной арматуры (арматурная сталь периодического профиля была привезена из Союза) вязался каркас, который погружался в опалубку, а затем шло послойное бетонирование сооружения. С цементом проблем не было, так как Куба по выпуску цемента на душу населения занимала чуть ли не первое место в мире. Щебень для бетона привозили из ближайшего карьера, а вот за песком ездили на пляж в Батабано. Первый раз нагрузили и привезли песок, который брали на урезе воды, за что и получили трепку от офицера, руководившего работами. Песок-то был соленым, а бетон, затворенный на соленом песке, потом бы рассыпался. В хайло бетономешалки, в соответствующих пропорциях, ведрами засыпался песок и щебень, заливалась вода, и процесс приготовления бетона пошел. Затем бетонная смесь из жерла бетономешалки переливалась в ведра, и далее ручками переносилась в опалубку. Ведро с бетонной смесью весило чуть меньше двух пудов. Далее этими же ручками ставшими, после перетаскивания ведер с бетонной смесью длинноющими, как у орангутанга, эта бетонная смесь, из-за отсутствия вибраторов, уплотнялась штыковками, изобретенными и изготовленными местными батальонными «кулибиными». Вот когда я добрым словом поминал свои замшевые перчатки, доставшиеся мне от одного кубаша.

Отступление. Все «забавы» с шанцевым инструментом, мачете и другими орудиями производства, во избежание потертостей, водяных и, особенно, кровяных мозолей, производились в льняных или брезентовых рукавицах (голицах) советского производства. Еще в начале октября 1967 года старшиной взвода, Юрий Лужецким, мне было доверено ответственное дело, не требующее особых затрат ума, а именно, прочистка от наносов водоотводных канав проходящих сзади казарм. Старшина вооружил меня орудием производства марки БСЛ-110 (большой саперной лопатой), вручил потертые голицы, и воодушевил на трудовой подвиг знаменитой фразой: «чисти кювет от каптерки первой роты и до обеда» и гордо удалился для дальнейшего наведения порядка на вверенной территории. Перед обедом чистка кюветов подошла к завершению (однако отменный был у старшины глазомер), когда два кубинских электрика на, расположенной вдоль дороги, линии электропередач стали менять провода. Я залюбовался их неспешными действиями. Один из них забрался на столб, прикрепив и раскрыв зонтик над местом производства работ. Руками, одетыми, о! о! о! эти неизжитые революцией буржуазные прибамбасы, в замшевые перчатки, что-то начал там откручивать, а второй, оставив свой инструмент и замшевые рабочие перчатки, куда-то на минуту удалился. Совесть моя до сих пор чиста! Я в эту минуту просто произвел ченч - заменил свои голицы на замшевые перчатки и постарался мгновенно исчезнуть с места работы. Берег я эти перчатки, как зеницу ока, и подарил перед дембелем кому-то из своих земляков-ивановцев.

Для компенсации потерянных от тяжелой работы калорий батальону завтрак, обед и ужин готовился усиленный, аочной смене из столовой в термосе доставлялся кофе со сгущенкой, свежевыпеченный хлеб и тушенка.

Жаловаться на этот харч было бы грешно. Но всегда всему хорошему наступает конец. За полторы недели до наступления юбилейного 50-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота работы были завершены, и эстакада и противотанковый ров (удивительно, но кем бы и где на Кубе, в случае боевых действий, могли бы быть отрыты противотанковые рвы?) были обкатаны танком. И вновь наступили суровые армейские будни, проводимые в подготовки к юбилею – 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Кубинские сувениры

Наиболее доступным и дешевым сувениром были открытки с видами Кубы, которые покупались в киосках Гаванских гостиниц. Там также продавалась пластиковая цветная рельефная карта Кубы. Открытки стоили 10-20 сентаво. Достаточно дорогими, и конечно для нас недоступными, были чучела кубинских крокодильчиков.

Самым крутым сувениром, на который я не решился, была наплечная татуировка с контуром острова и выходящими из этого контура силуэтами памятника Хосе Марти и 2-3-х королевских пальм, увенчанная надписью «Cuba» с годами службы на острове. Не решился потому, что были случаи заражения под кожного покрова, и вместо шедевра получалось нечто ужасное, уродующее плечо. Я рисовал для любителей нанести себе этот сувенир, только трафаретную основу на кальке.

В Союзе я видел бамбук только в виде лыжных палок и удочек, а на Кубе бамбук был толщиной с хорошую руку и из него изготавливали пенальницы или подставка для карандашей и ручек, с выжиганием на боковой поверхности того же силуэта, что и при татуировке на плече. Аналогичный рисунок я гравировал, затирая его белилами, на отполированной поверхности кокосовых орехов, которые крепились к подставкам, выполненных из красного дерева. На корпусе авторучки, опять же китайского производства, вырезал надпись «Cuba». На отполированную из красного дерева дощечку наклеивался вырезанный из латуни контур «Острова Свободы», на который я наносил надпись: «De los espesialisto sovietico como un simbolo de la Amistad Sovietico - Cubana! F.A.R.». Так что моя гражданская специальность была востребована.

Наиболее эффектным сувениром являлись морские ракушки. Подарок в виде коллекции таких ракушек, вручённый в управлении кадров Министерства Обороны СССР, мог обеспечить офицерам направление в очередную заграничную командировку.

В конце мая 1968 года происходила замена одной трети личного состава бригады и офицеров, выслуживших на Кубе свой срок. Начальник штаба батальона капитан Косянчук попадал в эту замену и, естественно, еще в апреле он подсуетился с целью сформировать оригинальный кубинский сувенир. Начштаба сформировал команду «ихтиандров», в которую попал и я. В один из апрельских дней команда ловцов ракушек, возглавляемая капитаном, выехала в провинцию Пинар-дель-Рио в район поселка, с ласкающим русское ухо, наименованием «Хулид-Сангели», расположенного на побережье Мексиканского залива. Там береговая зона была защищена от океанского простора островками архипелага Лос Колорадос и коралловыми рифами. Это побережье не было десантоопасным, и кубинские пограничники несли службу на островах архипелага. Снаряжение для подводной охоты

состояло из автомобильных камер, очков, вырезанных из противогазных масок, бамбукового шеста с привязанным к нему крючком-тройником и деревянного ящика со стеклом.

Процесс добычи ракушек был до тривиальности прост. На автомобильной камере отплывали от берега к коралловым рифам и барражировали вдоль них, просматривая дно через ящик со стеклом. Увидев ракушку, переворачивали её шестом и рассматривали, не старая ли у неё лицевая поверхность. Если ракушка была товарного вида, то три-четыре глубоких вдоха-выдоха, набор в легкие воздуха и нырок в глубину, и сразу же транспортировка этой ракушки к берегу. Там наш брат по названию «трясун» брал ракушку в обе руки, лицевой поверхностью вниз, разведя на ширину плеч ноги, присаживался в позу взлетающего орла и со всей силой стучал руками, сжимающими ракушку, о бедра ног. Однако после четвертой-пятой ракушки руки-ноги бывали отбиты. При удачном стечении обстоятельств, моллюск вылетал из зева ракушки, и товар был почти готов. Верхняя наружная поверхность ракушки обрабатывалась от известкового налета слабым раствором соляной кислоты и в последующем покрывалась лаком. Но если моллюск прятался вовнутрь ракушки, его ждала незавидная участь. Ракушки привозились в Манагуа и укладывались на окраине деревушки где-то в джунглях, и там, на запах тухнувших моллюсков слеталась кубинская нечисть, жрала этих протухающих «устриц», откладывая в них свои яйца, а затем вылупившиеся опарыши защищали внутренность ракушки так, что потом из неё сыпалась только труха. Из джунглей перло запахом тухлятины, отравляя миазмами воздух, но это был второй способ придать ракушке коллекционный вид. Изысканнейшим дополнительным питанием к шулюмке, что варили на костерке на обед, были лобстеры, которые, как бы невзначай, вылавливались совместно с ракушками. Вот когда мне впервые сподобилось попробовать самую главную буржуинскую пищу - отварных лобстеров. Намного раньше пришлось попробовать первый буржуйский тропический фрукт, про который ещё В.В. Маяковский сказал: «Ешь ананасы...». Экзотика, да и только! И самое главное – на побережье океана москитов не было!

Для себя я выловил две здоровенные ракушки - королевский касис и королевский стромбус, которые ухитрился провезти, минуя досмотр, при дембеле. Что интересно, в прибрежной полосе пляжей залива Батабано водились маленькие очень красивой расцветки ракушки ципренис, но таких ракушек, как на северном побережье Кубы, там не встречалось.

Кубинские сувениры: ракушки, барабан и спички.

А самым престижным сувениром были кварцевые солнцезащитные очки, которые изготавливались на заказ почему-то в аптеках. Роговая оправа готовилась из черепаховых панцирей, зеленоватые стекла, с переходом от темно-зеленого - вверху до прозрачного – внизу, цвета, готовились из кварцевого песка – это был не только крик моды, но и прекрасное защитное

средство от ослепительного летнего солнца. Если мне не изменяет память, то стоили эти очки аж 120 песо! Поэтому в таких очках могли щеголять только избранные: бригадный фотограф да кое-какие ротные старшины и особенно хлопцы из хлеборезки, которые на вопрос: «Где взял?», скромно потупив очи, отвечали, что очки нашли на улицах Гаваны.

Гавана

«Чтобы узнать чужой город, надо ходить по нему пешком» - это старое, всем известное, правило. Город из окошка автобуса или с сиденья автомашины проносится перед тобой, как на экране кино: ты не чувствуешь ни его аромата, ни его биения пульса, ни ритма его жизни.

Каждый город имеет свое лицо. Ну, а если это столица, то лицо города приобретает удивительные и неповторимые черты, которые остаются в твоей памяти навсегда.

ГАВАНА НЕПОВТОРИМА. Ей нет аналогов. Она - уникальна.

Где есть еще второй такой Малекон – шестикилометровая набережная: раскаленная граница между сушей и морем – трепетный стык двух стихий. Океан ночью у Малекона светится голубоватым фосфоресцирующим светом. Слева – бескрайний простор Атлантики в своей неповторимой купоросной синеве. Справа – ряды гаванских небоскрёбов и ярко высвеченных неистовыми тропическими красками старинные здания и пугающий своими синими стеклами дом с этажами в виде гробов. Сверху – синий–синий купол безжалостного неба до краёв забитого солнечным светом. Наиболее

прекрасен и великолепен Малекон во время шторма, когда налетающие на парапет набережной штормовые волны разлетаются вверх фонтанами брызг и, перехлестывая парапет каскадом воды, рушатся на проезжую часть набережной.

Гавана – это калейдоскоп цветов. Это живой, гигантский ботанический сад. Как пламенем охвачены деревья без единого листочка, украшенные только цветами красного, белого, оранжевого оттенков. Цветы бегут вдоль тротуаров, цветы заполняют клумбы, цветы лезут вверх по стенам домов. Они ослепляют и одурманивают своим ароматом.

Достопримечательности Кубы

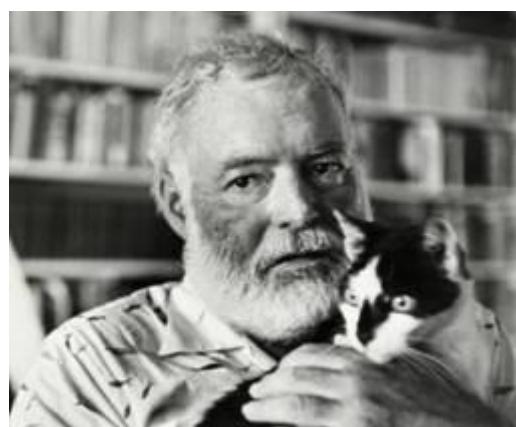
Одной из достопримечательностей Гаваны, в которой я побывал, был музей Наполеона. Он расположен в центре города, в специальном здании с многочисленными залами и небольшим садиком, утопающим в лиловых цветах. В этот садик выходят веранды, за которыми в просторных залах хранятся реликвии, связанные с жизнью французского императора. Один из самых богатых людей острова – владелец плантаций и сахарных заводов – оказался поклонником кумира прошлых времён. Он тратил баснословные деньги, оплачивая всё, что связано с именем и жизнью Наполеона. Мебель Наполеона, его одежду, картины, которые сопровождали жизнь полководца, походный барабан, треуголку, изъеденную молью, и даже ночной горшок императора с фарфоровыми цветочками внутри.

Музей Наполеона в Гаване

Но самой примечательной экскурсией была в декабре 1967 года поездка взвода связи в дом-музей Эрнеста Хемингуэя в пригороде Гаваны - деревушке Кохимар.

Проезжаем окраины Гаваны. Небольшая деревушка Сейва. И вот резкий поворот направо и мы, проехав метров двести, останавливаемся возле массивных каменных ворот, за которыми густой, до невероятия зелёный парк, состоящий из мощных деревьев, перемежаемых небольшими лужайками, кустарниками и зеленью фонтанов бамбуковых зарослей и агав.

На воротах небольшая медная табличка «Дом-музей Эрнеста Хемингуэя». За воротами на лугу огромный деревянный, выкрашенный в чёрный цвет, катер «Пилар». На нём писатель ходил на рыбалку.

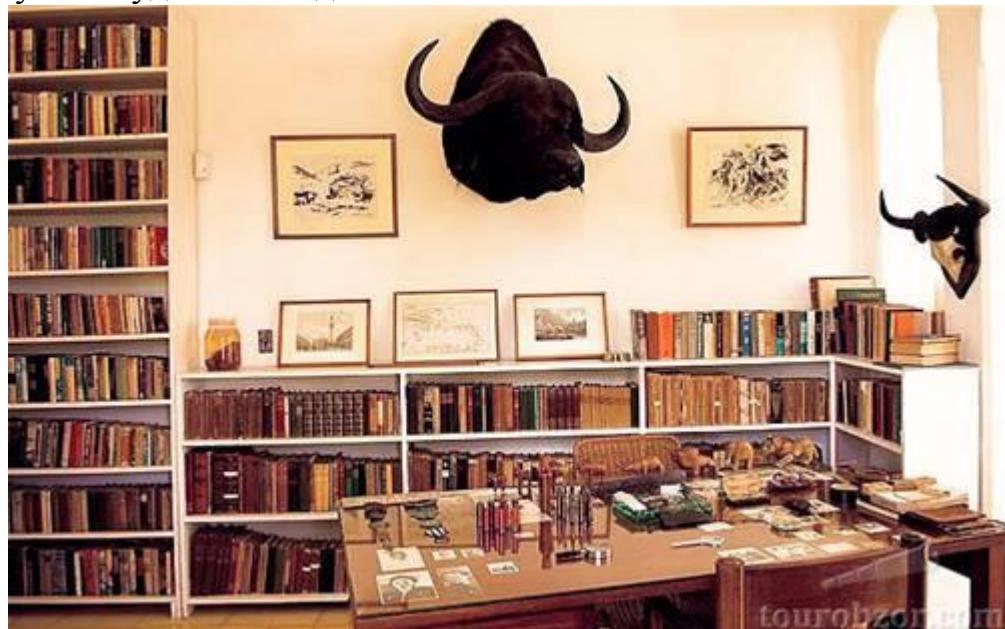
Мы идём пешком, поднимаясь всё выше и выше на вершину заросшего пальмами холма. Дом открывается совершенно неожиданно. Каменные ступени. Гигантская веранда упирается в могучий ствол баобаба. Здание не очень велико, скорее скромно, чем роскошно. Одноэтажный, достаточно просторный дом, где жил и работал выдающийся писатель. С

противоположной стороны - квадратная четырехэтажная башня со смотровой площадкой.

Башня со смотровой площадкой на вилле Хемингуэя в Кохимаре.

Вокруг, сквозь гребенку пальмовых ветвей, открываются изумрудные просторы Кубы. Панорама Гаваны, пальмовые рощи по холмам, стрельчатый проблеск океана. Мягкие увалы тропической природы. Только простор. Только зелень, только самая неоглядная даль. Рядом с башней в кресле с фотоальбомом директор музея – пожилой кубинец с изрубленными морщинами лицом и седыми волосами. Хемингуэй свел счеты с жизнью в 1961 году, музей открылся в 1964 году. В саду и доме все осталось, словно писатель уехал куда-то ненадолго.

В кабинете на столике лежит, пришедшая и невскрытая, корреспонденция, стоят раскрытые и недопитые бутылки с алкогольными напитками, книги с раскрытыми страницами. Медленно проходим из комнаты в комнату. Вот столовая с белой мягкой мебелью в чехлах. На стенах - охотничьи трофеи: головы оленей и антилоп. Картина боя быков. Два глубоких кресла, между которыми низкий столик с набором напитков.

Книги в доме везде, в огромном количестве, в гостиной, в столовой, в кабинете, в спальне. Даже в туалете высоченная полка книг в кожаных переплетах.

Из гостиной вход в спальню. Она тесновата. И опять книги и газеты – вплотную к постели. Кабинет тоже тесноват. На огромном столе трофейные реликвии разгрома германского фашизма – гитлеровские ордена и медали. По стенам охотничьи трофеи. Запомнилась гигантская голова дикого африканского буйвола с могучими, как корневища, рогами.

Библиотека – самое просторное и, пожалуй, самое шикарное помещение дома. На полу и диване шкуры леопардов и тигра. Книжные полки по всем стенам.

Фото на память на вершине башни и все – навсегда в памяти воспоминания о месте творчества величайшего писателя.

50-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции и Советской Армии и Военно-Морского Флота

В ноябре 1967 года исполнялось 50 лет Великой Октябрьской Социалистической (ВОСР) Революции и столь значительная дата не могла не пройти без особых мероприятий. Подготовка к празднованию 50-летия ВОСР уже шла в бригаде в полную силу. Готовились средства наглядной агитации, плакаты, транспаранты, шла усиленная приборка территории бригады, в том числе покраска известкой на высоту 1.8 м стволов королевских пальм. Усиленно шла строевая подготовка подразделений бригады и экзерции с оружием. Все готовилось к встрече важных гостей. Вот тут-то и пришли комбригу идеи: во-первых, провести парад бригады, переодев всех служивых соответственно в единую форму – танкистов, реактивщиков, зенитчиков в темно-синие комбинезоны, остальные подразделения – в маскалаты, ну и, естественно, обув всех в ботинки с высокими берцами. Во-вторых, для отличия родов войск на правой стороне груди и на левом рукаве нашить специальные эмблемы. На груди нашивались прямоугольные полоски, а на рукаве пятиугольный шеврон, смахивающий на нарукавные шевроны армии США, в которых изображались символы родов войск: танки, перекрещенные пушки и т.д. При общем дефиците канцелярских принадлежностей, тем не менее, всех нас, более или менее, умеющих мазюкать, обеспечили коробками цветных карандашей «Тактика», белым миткалем, и замполиты установили сроки изготовления этих эмблем. Фломастеров в ту пору не было. Вот мы, бедолаги, и муслякали карандаши и разрисовывали эти эмблемы, чтобы они ярче выглядели. Так мы втроем изготовили по 95 экземпляров нагрудных и нарукавных эмблем на весь танковый батальон. На последней репетиции парада комбриг увидел строй бригады в комбинезонах с эмблемами и выразил глубокое удовлетворение, лаконично буркнув: «ОТО хорошо!»

Вычищенная, вылизанная, окошенная, подстриженная, блистающая свежее побеленными казармами ТБ, построенная на плацу 7-го ноября бригада встречала «Гранде хефе». Потряс нас всех комбриг. Он появился на плаце бригады в, щегольски на него пошитой и отутюженной, оливкового цвета, форме. Сияющие полуботинки, брюки, офицерская рубашка, на голове – О! – О! - советская офицерская фуражка с кокардой, через плечо портупея с кобурой - ну настоящий полковник! Трубач дал сигнал «Слушайте Все!», муз взвод взревел «Встречный марш» и из-за поворота появились: командующий всеми советскими специалистами на Кубе генерал-майор – Биченко Иван Григорьевич, начальник Генерального Штаба Кубы – Педро Мерет. Министр обороны Кубы – Рауль Кастро прибыл с небольшим опозданием.

Педро Мерет, Биченко И.Г. принимают рапорт В.Д. Серых.

Гремит команда «Бригада, смирно! Равнение направо!» Строевым шагом комбриг подходит к начальнику Генерального штаба Кубы Педро Мерет представляется и представляет бригаду.

Оркестр играет Гимны Кубы и СССР. Командиры занимают места на трибуне. Трубач вновь дает сигнал «Слушайте Все!». Команда «Вольно!».

Педро Мерет, Рауль Кастро и Биченко И.Г.

Далее речь Рауля Кастро (с переводчиком) и вновь команда замкомбрига по строевой: «Бригада, смирно! К торжественному маршу! Поротно! На одного линейного дистанция! Первая рота – налево! Остальные – на право! Шагом марш!». Бригада, проникнутая торжественностью момента, воодушевленная величием праздника и представительных гостей, всколыхнулась и рубанула строевым под звуки марша. По плацу шли строевым советские солдаты и по команде «И - Раз!» перед трибуной все дружно равнялись на право, на трибуну, глаза «ели» присутствующих на трибуне.

Третий слева начальник Генерального штаба Кубы Педро Мерет, Министр обороны Кубы Рауль Кастро, командующий военными специалистами на Кубе генерал-майор Биченко И.Г., военно-морской атташе посольства СССР на Кубе ? и комбриг Серых В.Д.

Это был апофеоз парада. После прохождения рот на плац выходили взводы разных подразделений бригады, проводили спортивные упражнения, чередовавшиеся с экзерцициями оружием. Завершил парад прохождением музвзвод, впереди которого парадным шагом, при этом дирижируя руками, шел капельмейстер оркестра. И как шел! Не шел, а прямо парил над плацем! Это был армейский балет и высочайший класс строевой подготовки. Помоему, у комбрига на глазах блестали слезы радости, и его распирала гордость за бригаду. Далее день, расписанный заранее, проходил по следующему распорядку. Быстро переодевшись, мы рассыпались по спортплощадкам, спортивным снарядам и показывали высоким персонам, проходящим по территории батальона, уровень спортивной подготовки и показательные матчи по волейболу, ручному мячу и баскетболу.

Переводчик посольства, министр обороны Кубы Рауль Кастро, командир 7 ОМСБ полковник Серых В.Д., на заднем плане начпрод бригады майор Погосян.

На стадионе проходил футбольный матч. Танкисты в огневом городке проводили на качалке показательные стрельбы из вкладного стволика. Мотострелки на огневом рубеже рубили выстрелами мишени. Зенитчики пуляли в воздух, имитируя отражение атаки самолетов. Ну, всё шло, в общем, по расписанию и по сценарию.

Рауль Кастро и В.Д. Серых.

Как говорят: «война войной, а обед по расписанию». Мы в свою столовую, а комбриг повел Рауля и Биченко И.Г. в офицерскую столовую. Как писал летописец «Обед был силен!». Рауля Кастро и Педро Мерета из столовой выводили под руки. Мгновенно среагировал начальник особого отдела, шугнув в первую очередь бригадного фотографа, да и других служивых, проводивших фотосъемку, отобрав у них фотоаппараты, а затем шугнул и всех нас, столпившихся перед входом в офицерскую столовую. День для нас завершился в центральном клубе показом, соответствующего празднику, кинофильма. Так для нас прошел полувековой юбилей ВОСР.

Полувековой юбилей Советской Армии и Военно-Морского Флота проходил в феврале 1968 г. по тому же сценарию, что и в ноябре 1967 года, но за исключением, а точнее, включением в финале парада салюта из пятидесяти залпов. Видимо пукание зениток навело на эту мысль комбрига, и вот на полигоне вывели на открытое место танковый взвод, и по команде начался рев танковых пушек.

Серых В.Д., Рауль Кастро, Биченко И.Г., переводчик, стоит замкомбрига по строевой

Все бы было великолепно, если бы не одно "но". Февраль - сухой сезон. Джунгли на территории бригады подсущенные. Что послужило причиной их возгорания, не знаю: то ли пыжи из холостых выстрелов, залетевшие в джунгли, то ли кто-то швырнул непотушенную сигарету. Но после последнего выстрела на плац, столовую и штаб бригады из джунглей потянуло дымом. Говаривал все же Наполеон, что от великого до смешного – один шаг.

К сожалению, я в этот день находился в санчасти бригады, а причина была банальна. Накануне, т.е. 22 февраля, я шел из центрального клуба, а около офицерской столовой самопальной электрической газонокосилкой выкашивалась трава на газоне, и из-под стригущей лопасти ножа вылетел камешек и попал мне точно в кость ниже колена. Удар в кость, болевой шок, и я рухнул от чудовищной, пронизавшей весь организм, боли без сознания. Три дня отлежки в санчасти было обеспечено.

Часть 5

Сафра

На Кубе с декабря по июль продолжается период сафры. В эти месяцы, кажется, вся страна принимает участие в сборе урожая. Нам тоже выпала честь рубить сахарный тростник. Это было больше политическое мероприятие, но один день мы были «мачетеро» и почувствовали, что рубка тростника далеко не сахар. В начале марта 1968 года рано утром на автобусе нас вывезли на плантацию тростника в провинцию Ольгин. Дорога повела по ярко зеленым саваннам к горизонту, к голубым холмам. Ширококоронные королевские пальмы кажутся зелеными зонтами, подпирающими небо. Вошедшие в герб республики, эти невероятно красивые деревья, порожденные тропическим климатом, символизируют красоту тропиков. По саванам бродят серого цвета горбатые коровы зебу. Около каждого животного выхаживает белая цапля. Точным движением она перехватывает оводов; порой птица, усевшись на горбу зебу, путешествует так, оберегая животное от летающей нечисти. Вверху в межгорье парят грифы. Постепенно к пальмам подмешиваются кустарники. И вот растения слились в единый зеленый монолит.

Мы вырвались на бескрайние, до горизонта, плантации сахарного тростника. Это поистине незабываемое зрелище. И если на нашей родине, в кубанской или оренбургской степи, нас поражает могущество колышущихся золотыми волнами до горизонта хлебов, то здесь, в долине кубинской, их место занимает тростник. Масштаб почти тот же.

Остановились у какого-то, по нашему, сарая, перекрытому пальмовыми листьями – это было жилище рубщиков тростника. Переобулись в ботинки с высокими берцами, получили мачете (китайского производства), и далее через переводчика получили инструкцию, как правильно рубить тростник, несколько показательных взмахов и «adelante amigo!». Те, кто не имели кубинских замшевых перчаток, получили наши советские брезентовые трехпалые гольши, которыми повергли кубашей в глубокое изумление, как и то, что на голову вместо плетенных из сухих листьев королевских пальм широкополых шляп надели наши береты. Навыков рубки кустарника и травы на закрепленном за взводом связи участке батальона мы имели предостаточно, а поэтому, встав уступом, врубились в заросли тростника, оставляя после себя широкую просеку. Необходимо сказать, что перед рубкой тростника поджигаются и сгорают только боковые сухие листья, а стебель остается нетронутым.

Нешадное солнце палит над головами, берет не спасает от кубинского «ярилы». В таких зарослях тростника отсутствует какое-либо дуновение ветерка. Душный и влажный воздух раскален, как в парилке, с земли поднимается пепел сожженных листьев. От пота мгновенно намокает «камиса», пот заливает и выедает глаза, те же, у кого брезентовые голицы, начинают переходить на могучий и сильный в выражениях русский язык, а те, кто рубил тростник без рукавиц, очень скоро почувствовали, как на руках, вспотевших от эbonитовых рукоятей мачете, начинают появляться мозоли. Тростниковый ствол рубится на 3 части и в этой же последовательности складируется в просеке. Нудная механическая тяжелая работа это рубка с плеча стволов сахарного тростника. Все сильнее мучит жажды. Но, испив воды, начинается обильное потоотделение, и поэтому водой полощем рот. Вместо обеда тушенка с хлебом, которая от жары и напряга работы в рот не идет. Вызывало удивление, что, рядом рубившие тростник кубинцы, делали это в каком-то замедленном темпе, причём закрытые одеждой до самого горла. Дошло до нас, рубивших с плеча с азартом буденовских кавалеристов, только на другой день, когда невозможно было поднять правую руку, а мышцы правого бока просто онемели от боли. Завершили свою сафру около часа дня, взмыленные и угорелые от жары и духоты. В батальон прибыли никакие, разбитые, иссущенные и измученные от чесотки, которую подхватили в чащобе тростника. Примерно такая же чесотка изводила от раздавленных стручков растения «пики-пики», что водились на северо-восточной окраине бригады. Нет, не сахар, ой, не сахар, эта кубинская сафра!

Вот так с плантаций порубленный сахарный тростник доставлялся на сахарные заводы Кубы.

Сафра... Она была не только при уборке сахарного тростника. Страна наступала и при уборке урожая второй по значению на Кубе культуры – табака. Плантации табака на острове тоже производят совсем необычное впечатление. Под жарким солнцем в долинах встают табачные кусты высотой в рост человека, а то и еще выше. Во время поездки по Кубе в провинции Пинар-дель-Рио видел целые поля табака, сплошь покрытые «москитниками» - гигантскими покрывалами из марли.

Но к уборке табачного урожая нас не привлекали. А вот на посадку кофе выезжали один раз. В этот период руководством Кубы было принято решение высадить кофейные деревца, чтобы, во-первых, уйти от монокультуры сахарного тростника и, во-вторых, спрос на кофе на мировом рынке в те годы был весьма значительным, а это валюта, в которой в условиях блокады Куба очень нуждалась. Поэтому по всей Кубе развернулась разбивка кофейных плантаций. На пробороненное поле вывозился посадочный материал. А это были черного цвета пластиковые пакеты с пророщенным кофейным деревцем, которые разносились на определенном расстоянии по бороздам и прикалывались кубинским красноземом. Ну прямо квадратно-гнездовой способ посадки кукурузы в период волюнтаристического правления Н.С. Хрущева, в которой пришлось принять непосредственное участие в начале июня 1958 года, когда нас, пионеров-шестиклассников вывозили на посадку кукурузы. Всё в этом мире повторимо. Как кукуруза в Средней полосе России, так и кофе на Кубе не дали тех результатов, которых от них ожидали.

*А сегодня от тоски вскроем печень от трески
В жизнь её не позабудем аж до гробовой доски!
Океан, он вечно пьян и всегда качается,
Нам купаться по ночам в нем не разрешается,
И не пить, и не курить,
И в резиновых галошах по Гаване неходить!*

Гуанабо

С мая 68 года по октябрь, в основном по воскресеньям, начались выезды на пляж Гуанабо, где располагался и офицерский дом отдыха.

Обычно выезжали на открытом бортовом ЗиЛ-157. Дорога на пляж, а он располагался километрах в 50 от бригады, с утра ещё переносилась легко, а вот обратно - при палящем тропическом солнце была утомительна, но всё же это мероприятие сглаживало суровые солдатские будни. Хоть пляж в Гуанабо не пляж Варадеро, куда на ночное ревю выезжал кордебалет «Тропиканы» с царившей в то время примадонной кубинской эстрады – Роситой Форнес, но для нас это являлось своеобразным праздником.

Мелкий коралловый песок, неглубокий до рифов, лазурно-изумрудное море и, конечно, фантастическое зрелище - подводные коралловые рифы с, восхитительными по своей красоте коралловыми рыбками, за которыми следовали сразу стометровые глубины. Иногда в воде появлялись медузы, и купание оборачивалось ожогами кожи при соприкосновении с ними. Второй напастью были морские ежи, которые почему то любили собираться у труб, по которым сливалась пресная вода из душевых кабинок в море. И крайне неприятная процедура извлечения впившихся иголок предстояла тем, кто случайно нарывался на этих ёжиков. Пляж, конечно, был огорожен от кубинских пляжей, и ребятишки из команды охраны офицерского дома отдыха бдили, чтобы особо ретивые служивые не заплывали на кубинские пляжи и не вводили в смущение сеньорит своими синими сатиновыми по

колено трусами, про которые эти сеньориты и говаривали, что у этих «совьетико компанеро» видимо есть, что скрывать под этими calzocillos (трусами).

Первая замена личного состава бригады в 1968 году

В конце апреля - начале мая 1968 года на восточной окраине бригады слева от стадиона началось интенсивное строительство. Танками с навешенными бульдозерными ножами расчистили в джунглях площадку. А рота мотострелков начала устанавливать ротные палатки и монтировать сборно-щитовые дощатые бараки, то бишь, казармы, бетонировались дорожки, и по периметру это все обносилось забором. Гетто какое-то внутри бригады. Оказалось, что готовилось место для карантина. 28 мая, 3 и 5 июня пришли 3 барки, и прибывшая молодежь была на 15 дней туда помещена. Неожиданно произошла замена половины личного состава бригады. Неожиданно потому, что раньше она всегда была в сентябре-октябре, чтобы легче проходила акклиматизация. Причиной этой замены послужило то, что Советская Армия перешла на 2-х годичный срок службы. Все-таки тропический климат и июньский градиент температур резко отличается от относительно мягкой температуры октября. И вот в один из июньских дней совсем неожиданно умер солдатик из карантина. У него не выдержало сердце, он взял слишком высокий темп бега на 3-х километровом кроссе и повалился на кроссовой дорожке, а своевременную помощь упавшему не оказали, так как пробегавшие подумали, что он просто споткнулся и упал. Единственно помню, что был солдатик родом из Свердловска. Это был второй умерший за период моей службы на Кубе. Первый – погиб оттого, что ему на сердце упала электрическая колодка, находящаяся под напряжением (такая была версия). Оба солдата нашли свой последний приют на кубинской земле и были похоронены на кладбище, где покоились наши ранее погибшие солдаты. Похоронены они были без каких-либо почестей. А ротный писарь отправил в военкомат официальный бумагу и свидетельство о смерти, в которой сухим казенным языком сообщалось, что такой-то тогда-то погиб при исполнении служебных обязанностей. Кто теперь ухаживает за их могилками, кто возлагает цветы, кто поминает их сто граммами водки?

*Я был батальонный разведчик,
А он писарышка штабной....*

Писарышка штабной

В июне 1968 года произошли и изменения в моей судьбе. Связано это с тем, что приказом по личному составу батальона я был исключен из состава взвода связи и назначен писарем-машинисткой секретного делопроизводства танкового батальона с присвоением звания «ефрейтор», о котором бытовала поговорка – «Лучше иметь дочь-проститутку, чем сына – ефрейтора!», при этом, при зачитке приказа перед батальоном, я был удостоен от взвода связи знаменитой фразы «У-У-У С-с-су-ка!». Что ж, получил заслуженное – писарышка штабной!

Эта пертурбация была связана с тем, что замполит батальона капитан Таран и начальник штаба капитан Косянчук, каждый по своему направлению, использовали мой «божий дар» – уменье рисовать и писать плакатными перьями и гравировать, частенько отрывая меня от служебных дел, что вызывало обоснованное недовольство взводного – лейтенанта Серышева.

Преимущество писаря у замполита было только одно, он был полностью освобожден от нарядов, а вот недостатком было то, что весьма шебутному замполиту, кстати, не назначаемому в наряд по батальону или бригаде, приходили лихие идеи по оформлению наглядной агитации батальона и прочие указания замполита бригады, которые в горящем темпе воплощал писарь в любое время суток, а горело у капитана всегда. В этом соперничестве победил начштаба.

На меня были оформлены допуск к секретному делопроизводству и подпись о неразглашении, и я вступил в свои владения – кабинетик с сейфом, столом - конторкой на котором была печатная машинка (вот где и пригодились навыки работы на телеграфном аппарате СТ-35), набор цветных карандашей «Тактика», офицерская линейка, курвиметр, сейф с документами и учебный класс в штабе, который мне пришлось оформлять планшетами по структуре армии США. В штабной работе привлекала система разработки и планирования боевых действий танкового батальона отдельно или в составе бригады в условиях специфики рельефа Кубы. Это были проработки на картах выдвижения танковых рот или батальона на место сосредоточения, развертывания на рубежах атаки, а также подготовка кодировочных таблиц при работе на голосовых видах радиосвязи и многое другое, что входило в мои служебные обязанности. Кстати, в то время наименование «12-й Учебный центр» во всех документах отсутствовало. На всех документах и картах, где стоял гриф утверждения командира бригады или батальона, писалось «7-я отдельная мотострелковая бригада» или « 5 отдельный танковый батальон»

Учебный класс по армии США я оформлял настенными планшетами с наглядными изображениями знаков различий и форм солдат и офицеров

армии США, изображениями вооружения и схемами высадки десанта морской пехоты США – наиболее вероятного противника. Данные по армии США брались из журналов, приходивших в закрытых пакетах с грифом «Секретно. Только для офицеров и генералов».

По состоянию на 1968 год армия вероятного противника – США состояла из 18 полнокровных дивизий: 1-й пехотной дивизии (ПД), находящейся во Вьетнаме, 2-й и 7-й ПД, находящихся в Южной Корее, 4-й ПД, дислоцированной в Форт-Льюисе, штат Вашингтон, 25 ПД, расположенной на Гавайских островах, 3-й, 8-й и 24-й механизированных дивизий (МД), расположенных в ФРГ, 5-й МД, дислоцированной в штате Колорадо США, 1-й и 2-й танковой дивизии, расквартированных в Форт-Худе, штат Техас, 3-й и 4-й бронетанковых дивизий с местом дислокации в ФРГ, 82-й воздушно-десантной дивизии (ВДД), находящейся в штате Северная Каролина, 101-й ВДД и 1-й аэромобильной дивизии, находящихся во Вьетнаме, 9-й механизированной и механизированной дивизии «Америка».

Основным танком армии США в 60-х годах был танк М-60 А1 со 105 мм пушкой, а также М 551 «Шеридан», дивизионная артиллерия была представлена гаубицами калибров 105, 155 и 203,2 мм, минометами калибра 86 и 120 мм, а также безоткатными орудиями «Деви Крокет» калибра 120 и 150 мм, из средств борьбы с танками на вооружении состояло РПТР М 20-90, ПТУРСы SS – 10 и SS-12 «Энтак». НУРСы «Онест Джон» и «Литл Джон». Стрелковое вооружение армии США состояло из штурмовой винтовки М-16, пистолета Кольт М 1143 калибра 11,43 мм, пулеметов М-14 калибра 7,62 и М-2А «Браунинг» калибра 12,7 мм.

При всем преимуществе службы писарем вскоре выяснилось, что, являясь секретоносителем, мне были ограничены выезды в Гавану.

Встречи и расставания

Первыми соотечественниками, с которыми мы встретились на Кубе, был оркестр Азербайджанского радио и телевидения, который дал нам концерт 12 октября 1967 года, что символично совпало с выходом Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» и, видимо, этот концерт был противопоставлен тому шоу, что нам устроили наши кубинские «amigo» в начале месяца.

31 декабря 1967 года в 16 часов по местному времени встретили Новый 1968 год по Московскому времени, тем, что распили ящик «Кока-Колы» (24 бутылочки) на троих и, на следующий день 1 января не знали, чем себя занять – офицеры словно вымерли и нас, сиротинушек, оставили на самообслуживание, что от безделья позволило отметить Новый год не только прохладительными напитками.

1-е января 1968 г.

Этой же Кубинской «зимой», где, как пелось в нашей бардовской песне, «в январе +30 не вопрос», произошла встреча со знаменитой балериной - Майей Плисецкой. А было ей в ту пору 43 года, и выглядела Майя Михайловна на все 20! На Кубе у неё была подруга, не менее знаменитая кубинская балерина – Алисия Алонсо, её ровесница, царившая на кубинской балетной сцене. В 2011 году 91- летняя Алисия Алонсо приезжала на встречу с Майей Михайловной в Москву, но уже полностью ослепшая.

Командование бригады с супругами и Майя Плисецкая. 1968 г

В 1968 году в бригаде побывали 2 международных шахматных гроссмейстера 2 экс-чемпиона мира по шахматам – Василий Смыслов и Михаил Таль. Они регулярно участвовали в чемпионатах Кубы по шахматам, посвященных знаменитому кубинскому шахматисту, чемпиону мира – Хосе Раулю Капабланке. И по сей день я горжусь тем, что в блицтурнире по шахматам на 20 досках, проведенного в бригаде, стойко отбивался от гроссмейстерских атак Василия Смылова на шахматном поле и на 4-й минуте игры схлопотал мат. Ничьих в этом турнире, конечно же, не было, да и победивших гроссмейстера тоже не нашлось.

Последней встречей с соотечественниками в начале ноября 1968 г. была встреча с нашими спортсменами-олимпийцами, участвовавшими в Олимпиаде 1968 года в Мексике. Бригаду посетили: Олимпийский чемпион по тяжелой атлетике в тяжелом весе – Леонид Жаботинский, Олимпийский чемпион в тройном прыжке – Виктор Санаев, вместе с ними были: знаменитый вратарь – Лев Яшин и Олимпийский чемпион Токийской олимпиады 1964 г, чемпион Европы по боксу – Валерий Попенченко про которого спортивные комментаторы говорили: «Попенченко на ринге – две минуты и всё!» Он обычно нокаутировал противника в первом раунде на третьей минуте.

Я помню из рассказов олимпийских чемпионов, что самым выдающимся рекордом олимпиады стал прыжок американского прыгуна в длину Боба Бимона, улетевшего на 8 метров 90 сантиметров (20 лет этот рекорд держался непобеждённым), и после этого фантастического прыжка этот Боб исчез на два часа, а посему его не смогли уличить в приёме допинга.

Но самой интересной была встреча командира 2 танкового взвода старшего лейтенанта Валерия Цап со своим однокашником - майором Валерием Попенченко. Оба закончили Ташкентское суворовское училище, но поступили в разные военные училища, Цап - в Ташкентское танковое, а Попенченко - в военно-морское. В.Цап в батальоне возглавлял и тренировал команду борцов, надо сказать, что, в общем-то, его заслуга, что борцы-танкисты валяли всех на лопатки, завоёвывая только первые места во всех

весовых категориях среди всех подразделений бригады. Вот и похвастался Попенченко, что надо было Цапу боксом заниматься, глядишь и майором бы уже стал как он.

Бывали встречи и с кубинскими солдатами, в основном на спортивных состязаниях, где они нас разделяли по баскетболу, а вот в остальных видах мы их делали, да бывало еще с каким преимуществом.

Канделярия

Бригадные полевые учения с боевыми стрельбами в 1968 году проходили с 7 по 15 октября на полигоне Канделярия. Подготовка к учениям в штабе батальона началась с подготовки карт, с нанесением на них рубежей сосредоточения, выдвижения и атаки танкового взвода совместно с ротой МСБ, а также заготовки проектов приказов и прочих штабных документов. В ночь на 7 октября была сформирована колонна автотранспорта, спецмашин и часов в 12 ночи началось выдвижение колонны по маршруту: Кивикан – Гуира-де-Милена, Алькисар, Артемиса, Канделярия. Для кубинцев, проживающих в населенных пунктах по маршруту движения колонны, это было внушительное зрелище. Утром 7 октября после бессонной ночи прибыли на полигон и начали разбивать палаточный городок и обустраивать свой быт в полевых условиях на неделю.

Дорога на полигон Канделярия

Прошедшие накануне тропические ливни здорово подпитали почву водой, а в некоторых местах эти ливни затопили бессточные западины, образовав довольно серьезные препятствия для проведения учений в развернутом строю наступающих подразделений. Мириады мошек клубились в траве и полчища, а вернее эскадрильи канделярских «мессершмиттов», почувствовав поживу, начали свою атаку на открытые части тела.

Полигон Канделярия. Сзади горы Сьерра-дель-Россарио. Октябрь 1968 г.

Палатка писарей располагалась рядом со штабной палаткой батальона. Но участь моя в учениях была безрадостной, так как, являясь хранителем секретов я, как раб на галерах, прикованный к веслам, был обязан неотлучно находиться у своего металлического ящика с секретными документами, отбиваясь от назойливых тропических комаров, и скрипя от зависти зубами к участникам этого военного священнодействия, только ушами воспринимал звуки трескотни автоматов и далёкое уханье пушек на полигоне.

Водители взвода связи – Герасимов Сергей и Ежов Геннадий.
Канделярия, октябрь 1968 г.

Вечерами участники учений собирались у кинопередвижки и под тарахтенье движка генератора просматривали фильмы. Единственной моей привилегией было то, что еду мне приносили в палатку. Не выдержав этого заключения, в один из вечеров я вытащил свой герметический ящик и спрятал его в ближайшей, затопленной водой, западине и со спокойной душой, сознавая, что даже черт не найдет мои секретные документы, ушел смотреть фильм. Через полчаса моего культурного досуга (а это была кинокомедия «Стряпуха») на меня неожиданно наткнулся начальник штаба - капитан Куприянец. По его виду я мгновенно понял, что у меня возникли проблемы, и я со смиренным видом повел капитана к тому месту, где утопил батальонное сокровище. У НШ челюсть отвисла, когда я из воды вытащил ящик с документами, а потом и у меня челюсть отвисла от тех сочных словесных «перлов», которые высказал в мой адрес, облегчив душу, эстет и

интеллигент, начальник штаба батальона. Он пообещал, что после учений устроит мне цугундер, но последующие форс-мажорные обстоятельства помешали этому.

Доблестные мотострелки 4 МСБ. Канделярия октябрь, 1968 г.

В один из дней на полигон прибыла делегация кубинских офицеров во главе с Раулем Кастро. Конечно, присутствие столь представительной делегации внесло в ход учений свою изюминку. Танкисты и мотострелки блеснули удалью и четкой слаженностью при проведении показательной атаки танкового взвода в составе мотострелковой роты. Кубашей поразил один эпизод, когда в пылу атаки один из мотострелков – гранатометчик, влетел в покрытую водой западину, споткнулся, нырнул, вынырнул, прицелился и шмыгнул из своей «шайтан-трубы» (РПГ-7) по уходящей мишени танка и прошиб ее. По итогам учений нам была объявлена благодарность и от имени Рауля Кастро были вручены подарки. Подарок состоял из 2-х бутылок «Bacardi» - темного и светлого, блока сигарет «Populares», 2-х коробок спичек и кубинского сувенира в виде барабана или настольной лампы из скорлупы кокосовых орехов.

В воскресенье 13 октября погода начала меняться. Небо над Карибском морем начало сереть, исчезла влажность, а тропическое «ярило» начало нещадно палить. Под этим солнцем мы начали ужаревать и обливаться потом. Фляжки с водой перестало хватать на полдня. 14 октября душная атмосфера начала сводить с ума. Небо приобрело блеклый сероватый цвет, солнце было окружено ореолом, наступил полный штиль, сосущие и зудящие насекомые исчезли. К вечеру было объявлено штормовое предупреждение –

надвигался ураган. В 1967 году бог миловал Кубу – ураганы обошли ее стороной, а вот в 1968 году на остров надвигался ураган «Гиэндрис». Подразделения начали покидать полигон с совершением ритуала – заметания следов. К машине привязывался лист королевской пальмы и тащился, пока не истирался по дороге, символизируя – не возвращение больше на полигон. Аналогичный ритуал происходил и при выезде из бригады при дембеле.

По возвращении в батальон все занялись подготовкой к встрече этого стихийного бедствия.

Приказом по батальону меня направили для оказания помощи семье помощника начальника штаба – капитана Щербины. Всех писарей развезли в Манагуа по касам, где проживали офицерские семьи штабников, и проинструктировали о действиях в чрезвычайных ситуациях.

Ураган ревел и показывал свой характер двое суток кряду. Особых разрушений он не принес, так как эпицентр урагана прошел километрах в 300-х восточнее провинции Гавана, но все же дел натворил.

После прохождения урагана неделю приводили бригаду в порядок. Особенно наворотил дел ручей с неблагозвучным названием «Говняевка» (по каким достоинствам позднее ему было присвоено благозвучное наименование «Амазонка»?) Все берега его были устланы ветвями и листьями королевских пальм, а около мостика образовался завал из этого же добра. Часть забора была повалена, а другую, по меткому выражению комбрига: «ОТО что плохо были гвоздики загнуты», разметало по джунглям.

ДМБ - 68

7 ноября 1968 года в день 51 годовщины ВОСР по подразделениям бригады был зачитан Приказ министерства Обороны СССР о демобилизации из рядов Вооруженных сил солдат и сержантов, выслуживших свой срок. Это

был для меня двойной праздник. Я, благодаря отношению ко мне начштаба капитана Куприянца, был добавлен в приказ, тем самым попав под действие Закона СССР от 12 октября 1967 года «О всеобщей воинской обязанности» об установлении 2-х летнего срока службы.

11 ноября пришло известие о выходах барок: «Балтика», «Эстония» и «Мария Ульянова» из Калининграда, которые прибыли в порт Гаваны 30 ноября, 7 и 12 декабря соответственно.

Не было у нас 100 дней до приказа, а были 30 дней до барки. Срочно завершил оформление учебного класса по армии США, подготовил к передаче секретное делопроизводство, карты, специальные журналы, по акту уничтожил (сжег) определенные табелем документы и карты и доделал для ребят сувениры. Затем занялся самым серьезным делом – подготовке к провозу «огненной воды» на корабль. Для этого покупалось банок пять сгущенки, отпаривалась с банки обертка, проделывалось два отверстия, сгущенка сливалась, банки заливались водой и прокипячивались на кухне в автоклавочных котлах до исчезновения сгущенки. Одно отверстие в банке запаивалось, через второе шприцем закачивался в банку спирт, отверстие заклеивалось, на банку наворачивалась этикетка и товар к контрабанде готов.

Дня за два до ухода барки всех дембелей отоваривали в магазине. Этим способом мы избавлялись от отченченных песо. Вопросов в магазине по поводу появления у рядовых такого количества «сэкономленных» песо не задавалось. Все товары были в экспортном исполнении – в основном это были полуботинки, великолепные шерстяные свитера, рубашки, а самым заветным товаром были портативные радиоприемники с расширенным коротковолновым диапазоном «SPIDOLA» Рижского радиозавода. В этот же день старшина привел на склад, где я подобрал по размеру темно-синее демисезонное двубортное пальто и черную фуражку.

12 декабря для ДМБ наступил ритуал прощания с батальоном. Завтрак, обед и ужин дембелям в этот день не полагался: «Дома наедитесь!». Таков был принцип этого дня, и наш харч делился между молодежью. Демонстративно были свернуты и уbrane в каптерку матрас, постельные принадлежности и накомарник: «Дома выс庇тесь!» Попрощались с друзьями из других подразделений и начали готовиться к последней ночи на Кубе. Вечером натопили баню, вымылись, заперлись и приступили в ней к прощальному ужину. Все заранее было предусмотрено: ром, кока-кола, шоколад. Далее сходили в офицерскую столовую, где по договоренности была поджарена картошка с мясом и луком (дефицит для солдат), нарезан хлеб, очищены апельсины. Ну а затем тривиально пошел процесс уничтожения спиртного и закуски. Чувствуя свою безнаказанность (на губу не посадят, продолжить службу не дадут) сражение с Бахусом продолжалось с чередованием разухабистых песен, тревожащих сон солдат в казарме и дежурного по части в штабе батальона. Но усталость этого суматошного дня, волнения перед завтрашним днем, а также преизрядная доза выпитого срубили всю веселую компашку, и очередной раз доказав в этом сражении с Бахусом, что он непобедим.

Последний день на Кубе. В своём классе в штабе. Слегка оттягиваюсь «Coca –Cola» после бурно проведённой ночи. Справа уже готовый дембельский чемодан.

13 декабря, оклемавшись и приведя себя в подобающий вид, приступили к последним хлопотам. Сдали вещмешки, сапаты (ботинки с высокими берцами), получили военные билеты и начали упаковывать дембельские чемоданы, оклеив их ранее приобретенными лейблами Гаванских отелей: «Habana Libre», «Capri», «National», «Riviera», приобретенными шмотками, самопальными сувенирами, «эликсиром бодрости», замаскированным под банки со сгущенкой, кока-колой, ракушками (разрешалось провозить только 2 ракушки). Вот, пожалуй, и все. Завтрака мы тоже были лишены: «На барке наедитесь!».

На стадионе бригады. 13.12.1968г.

Построение на плацу батальона – прощальная и напутственная речь комбата и последний пешеходный переход на стадион. Там, на футбольном поле, вновь построение всех увольняющихся в запас в несколько шеренг с интервалом между шеренгами в 5 метров. Команда начальника эшелона: «Три шага назад!», и пошел досмотр чемоданов и верхней одежды. Заранее было доведено до нас, что оружие, боеприпасы, форма и символика Кубинских вооруженных сил, порнография, кубинские журналы, спиртное вывозу не подлежат, ну а за оружие и боеприпасы, а ранее такие случаи бывали, последует срок по уголовному кодексу. Как-то без инцидентов для любителей «сгущенки» прошел досмотр, и пошла команда на посадку. Под звуки марша «Прощание славянки», а он, по ранее заведенному негласному обычаю, исполнялся только при отправке на Родину, колонна автотранспорта тронулась в путь. Определенное недоумение вызвал маршрут движения отличимый от традиционного маршрута в Гавану. Недоумение рассеялось по прибытию на восточный берег бухты Гавана – в Реглу, где нас ждала «Мария Ульянова». Трап, особисты, сверка списков с военными билетами, кубинские пограничники, и мы уже на территории СССР. Теплоход «Мария Ульянова» - аналог «Феликса Дзержинского», различие было только в дизайне интерьеров, да 2 чучела королевских пингвинов при спуске из коридора верхней палубы в судовой ресторан давали понять, что судно побывало в Антарктиде.

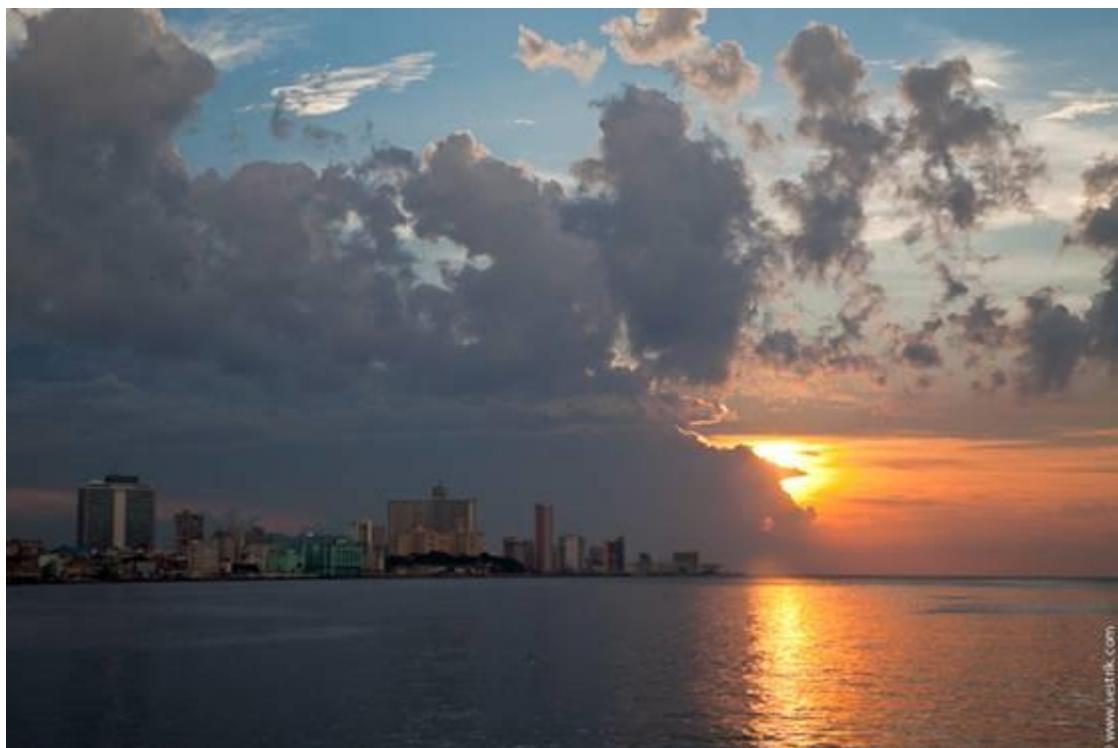
Гавана - Калининград

Т/х "Мария Ульянова" построен на Матиас Тезен Верфь в Ростоке в 1959 году. Пассажирское судно. Загрузка - пассажиров 316 чел., команды 106. Находился на балансе Северного морского пароходства с 1959 по 1963 год. В 1963 году передан в Балтийское морское пароходство. Списан в 1993 году.

В пятницу 13 декабря (нет более плохой приметы для суеверных моряков) в 5 часов пополудни «Мария Ульянова» покидала Кубу. При выходе теплохода из бухты на рейд Гаваны дружно, как по команде, со всех бортов были выброшены фуражки, усеявшие рейд Гаванской бухты – такова традиция.

На море волнение было 6 баллов, и ветер свистел в снастях и рвал пену с волн. Небо над Гаваной было окрашено в пунцовый цвет, а заходящее солнце приобрело карминный оттенок. Огни Гаваны уходили за горизонт, и вдруг неожиданно защемило сердце и затопило грудь тоскою – все, Adios Cuba! Я больше никогда не увижу тебя, прекрасная Куба, где я оставил своего сердца частицу.

Закрылись очередные страницы жизни, которые уже больше не перелистнёшь, завершился этап самого романтического и мужественного периода жизни, давшего закалку на все оставшиеся годы жизни. Впереди неизвестное будущее, и радость с грустью вместе уходили от берегов Кубы вместе со звучанием популярнейшей кубинской песней «Гуантанамера, Гуахира Гуантанамера»

Гуантанамера, Гуахира Гуантанамера.

Пусть пахнет песня травою,

Горит звездою манящей,

Ведёт оленью тропою

Меня в заветную чащу.

Гуантанамера, Гуахира Гуантанамера.

*В краю, где я с земляками
Делю и радость и горе,
Ручей, звенящий о камень,
Дороже целого моря.
Гуантанамера, Гуахира Гуантанамера*

*Я только житель безвестный
страны, где высятся пальмы.
Пропеть хотел бы я песню
души простой и печальной.*

*Гуантанамера!
Звучи же, Гуантанамера!
Гуантанамера!
Родная Гуантанамера!*

*Мой стих, как пальма, зеленый,
он, словно пламя, багровый,
он, как больной олененок,
в глухом лесу ищет крова.*

*Гуантанамера!
Звучи же, Гуантанамера!
Гуантанамера!
Родная Гуантанамера!*

*Делю судьбу всех покорных,
делю нужду их и горе,
ручей неведомый горный
дуще милее, чем море!*

*Гуантанамера!
Звучи же, Гуантанамера!
Гуантанамера!
Родная Гуантанамера!*

На другой день в 12 часов барку, покачав крыльями в знак прощанья, облетел самолет военно-морских сил США и ушел в сторону Флориды, а к 16 часам пройдя Флоридский пролив и оставив за бортом Багамские острова «Мария Ульянова» вышла на просторы Атлантического океана. До Ла-Манша теплоход держал скорость 19 миль в час, несмотря на то, что в океане волнение было 5-6 баллов.

Ровно через неделю – 20 декабря прошли Азорские острова, и уже похолодало, а «огненная вода» к этому времени уже давно закончилась и время, несмотря на то, что часы переводились с каждым часовым поясом вперед, тянулось хромоногим зайцем. Атлантический океан «радовал» бортовой качкой, серым цветом воды и блеклым цветом неба. 23 декабря в Бискайском заливе судно легло в дрейф. У кого-то из команды произошел заворот кишок, и его необходимо было эвакуировать для проведения операции. Вот и не верь в приметы после этого (13, пятница!). Прилетел французский вертолет, спустил на палубу корзину, в которую упаковали пострадавшего и «O revuar, mesie!» улетел к французскому берегу. На следующий день вошли в Ла-Манш.

Берега Англии

В проливе штиль, а движение судов в проливе Па-де-Кале, как на автостраде. Прошли невдалеке от крутого белого известнякового берега Англии и вечером вошли в штурмящее Северное море, где и познали на себе, чем волнение 6 баллов отличается от шторма в 5 баллов, да и температура +6⁰С продирала не хуже сибирских морозов, а пальтишко не спасало от промозглой погоды.

Пройдя датские проливы, 26 декабря в 7 часов утра миновали Копенгаген и видели его только освещенные огнями окна домов да силуэт замка Эльсинор. Осталось 300 морских миль, и завтра, 27 декабря - Калининград.

Подъем был сыгран в 3 часа утра, последний завтрак и в 6 утра «Мария Ульянова», оставив за бортом **9800** километров, пришвартовалась к причальной стенке порта Балтийск. Пограничный контроль, трап, и мы на Родине, а далее погрузка в машины и путь до в/ч в самом Калининграде. В этой войсковой части, где встречали и провожали не одну дембельскую рать, организовано было все четко и быстро. Получили оформленные военные билеты, проездные документы, и о, удивление, сданные в Одессе комсомольские билеты, аж даже 10 дембельских рублей от маршала Гречко ну и, конечно, коробки с кубинскими сувенирами от Рауля Кастро. Вся дембельская команда была сформирована по трем направлениям: северное (Ленинградское), центральное (Московское) и южное (Киевское). Машинами вывозили на ж/д вокзал Калининграда за 5 минут до отхода поезда. В 13²⁵ скорый поезд Калининград-Москва помчал нас домой. Хваткие проводницы сразу ввели в искушение, и через полчаса два вагона гудели, как вулкан Эtna перед извержением.

Калининград проводил температурой +3, а вот Москва–матушка на следующий день встретила температурой уже -18⁰. Расстались на Белорусском вокзале, обменялись адресами, обнялись, слезно и клятвенно заверяя, что по приезду домой будем писать друг другу, где-то в ближайшем увеселительном заведении поздравились с наступающим Новым 1969 годом и на метро разъехались по своим вокзалам. Мой поезд уходил с Ярославского вокзала в 18 часов и уже в 23⁵⁰ я вышел на привокзальную площадь г. Иваново, которое встретило температурой уже -23⁰. Вот где я пожалел об утопленной в водах Гаванской бухты фуражке.

Мой весьма экзотический вид, без головного убора, в пальтишонке чудовищного фасона с задранным воротником, с чемоданом, обклеенным экзотическими этикетками иностранных отелей, в одной руке и с расписной коробкой в другой, не мог не привлечь внимание стражей порядка бдительно несущих службу на привокзальной площади. Я был ими препровожден в комнату линейного отдела милиции на вокзале. Каково же было их изумление, когда они услышали мои объяснения. «С Кубы??? Ну, ты даешь, парень!». Я посетовал, что благодаря их бдительности последний трамвай уже ушел, а без денег, которые еще по пути в Москву «сказали тю-тю», а в такси, по меткому выражению В. Высоцкого, «не содють», и четыре трамвайные остановки до дома для меня в эту морозную ночь будут последним путем, как для того ямщика, что ночью замерзал в степи. Расчувствовавшись после моего короткого, но сочного, рассказа о службе на Кубе, стражи порядка с восторгом сами приняли и меня угостили сорокоградусной в довольно преизрядном количестве, после чего я был погружен сердобольными постовыми в патрульный «бобик» и отправлен домой. Требовательный стук в окно дома, а так могут стучать только блюстители порядка, да еще и во втором часу ночи, встревожил родителей и младших братьев. Каково же было их изумление, когда через окно они увидели, как из милицейской машины выгружают их скучожившегося от мороза сына и брата. Ну, вот я и дома!

В понедельник 30 декабря мой кубинский сувенир – 2 бутылки рома «Bacardi» и блок сигарет «Populares» были конфискованы моим кормильцем, и коллективом, на папенькиной работе, была произведена дегустация этих кубинских сувениров в сравнении с нашими аналогами, а посему только на следующее утро с маменькой услышали вердикт отца: табачище в сигаретах, по мнению дымокуров, зело крепкий, намного круче даже нашей махорки и самосада, а вот, наша водка лучше ихнего рома. Безусловно, они не знали, что ром пьется, смакуя, маленькими глоточками и под хорошую гаванскую сигару.

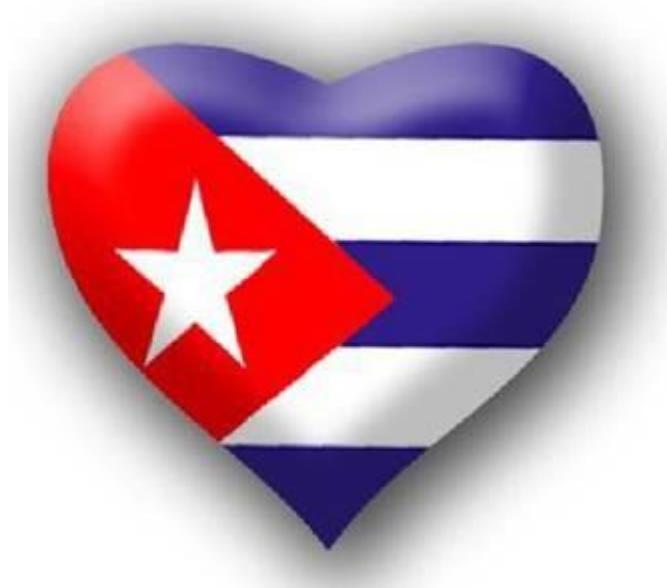
Так завершилась самая продолжительная дорога жизни длиной в 24 тысячи километров, и закончилась моя срочная служба в армии, а далее начался поиск дальнейшего жизненного пути и профессии. Приданый мне

армейской службой импульс и вектор движения привел меня в дорожную отрасль, которой я бессменно посвятил ровно 40 лет жизни, пройдя путь от техника изыскательской организации по изысканию и проектированию дорог до начальника Департамента дорожного хозяйства Ивановской области.

*В сердце и в память врезан прочно на годы
Остров Куба, остров Свободы!*

Прошло вот уже 45 лет, но память о прекрасной и таинственной Кубе, как о первой любви, волнует и тревожит по сей день!

*Куба, Куба!
Как ты красива!
Кто посмел говорить,
Что некрасива ты?
Походи по этой земле,
Посмотри на звёзды над головой,
Посмотри на это небо.
На горы взгляни –
Где ты видел красивее?..
Куба, Куба,
Как ты красива!
Кто защищал тебя,
Тот не может тебя не любить!*

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Стоят: телефонист Пётр Ботяну (Молдавия, Кахул), радиотелеграфист Михаил Осипович (Белоруссия, Барановичи), писарь Феликс Четвертак (Красноярск), сан. инструктор Окулов Михаил (Архангельская обл. Холмогорский р-н, д. Марилово), начхим Лузгин Василий, сидят: Романаускас Феликс (Литва, Кельмесский р-н, п. Пяраскальник), водитель Герасимов Сергей (Москва, Университетский пр-т), водитель Кирилов Сергей.

Писарь Крупенько (Белоруссия), старшина Пороховщиков Николай (Белоруссия), писарь Емельянов Евгений (Иваново), водитель Ежов Гена (Калуга), водитель Максимов (Горький)

Нет фотографий: замкомвзвода - начальник Р-118 Павлов Геннадий (Карельская АССР, Кемь), нач. р/с Р-104 Скориков Владимир (Ростов-на-Дону), р/телефонист – Семёнов Александр, телефонист Лукашевич Франц (Белоруссия), писарь Курбатов Николай (Грузия, Богдановский р-н, п. Богдановка), писарь Корчебный Николай (Иркутская обл., Заларинский р-н., с. Дмитриевское).

*«О Куба, гордая мулатка,
Был от тебя я без ума,
Ты королева и солдатка,
И революция сама».*

Родные берега листвою отшумели,
Но слышен до сих пор гармони перебор,
Остались позади Босфор и Дарданеллы,
И где-то вдалеке остался Гибралтар.

Мы волею сильны и духом мы упрямые,
Везде у нас друзья на Кубе и в Мали,
От берегов родных до берегов Гаваны,
С попутным ветерком уходят корабли.
Огромная страна манит за океаном,
И где-то в той стране живет моя судьба,
Быть может, и домой я возвращусь нескоро,
Но твердо верю я, что ждет она меня.

Мы далеко от вас, но сердцем вместе с вами,

И службу мы несем от Родины вдали,
И к берегам родным от берегов Гаваны,
С попутным ветерком уходят корабли.

Чужие берега листвою отшумели,
Но до сих пор слышны мелодии гитар,
Остались позади Карибские просторы,
И где-то вдалеке остался океан.

***

Зимою здешней более чем странной,
Где в январе +30 не вопрос,
Мы пожелаем, чтобы утром рано,
К нам постучался настоящий Дед Мороз.

Он постучится, все вполне возможно,
Он валенки от снега отряхнет,
Он в белой сумке, сумке безтаможной,
Через границу снег нам принесет.

И будет солнце тужиться напрасно,
Чтоб старика холодного прогнать,
От злости станет солнце инфракрасным,
А мы начнем в него снежки кидать.

Потом в санях по тропикам проедем,
И зазвенят бубенчики взахлеб,
А в Алькисаре белые медведи,
Крупнопанельный выстроит сугроб.

Когда проснется жаркая Гавана,
И выжмет солнце каждого всерьез,
Я пожелаю, чтобы утром рано,
К нам постучался настоящий Дед Мороз.

• * *

Прощайте багровые зори,
На Дембель отчизна зовёт.
Мы вышли в Карибское море,
В такой долгожданный поход.

Не пели нам медные трубы,
Шли молча на борт корабля,
И вскоре за дымкой растаяла Куба –
Солдатская наша земля.

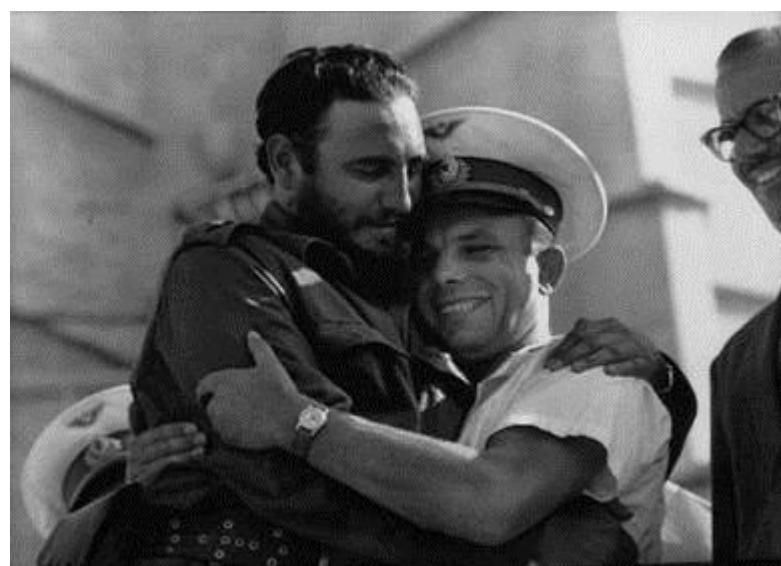
Я знаю, что ждут меня дома,
Но в сердце разлуки печаль.
Мне Куба – любовь и истома,
Мой остров Свободы, мечта.

«А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля».
Дельфины под килем сулят нам удачу,
Прощайте, друзья-дембеля!

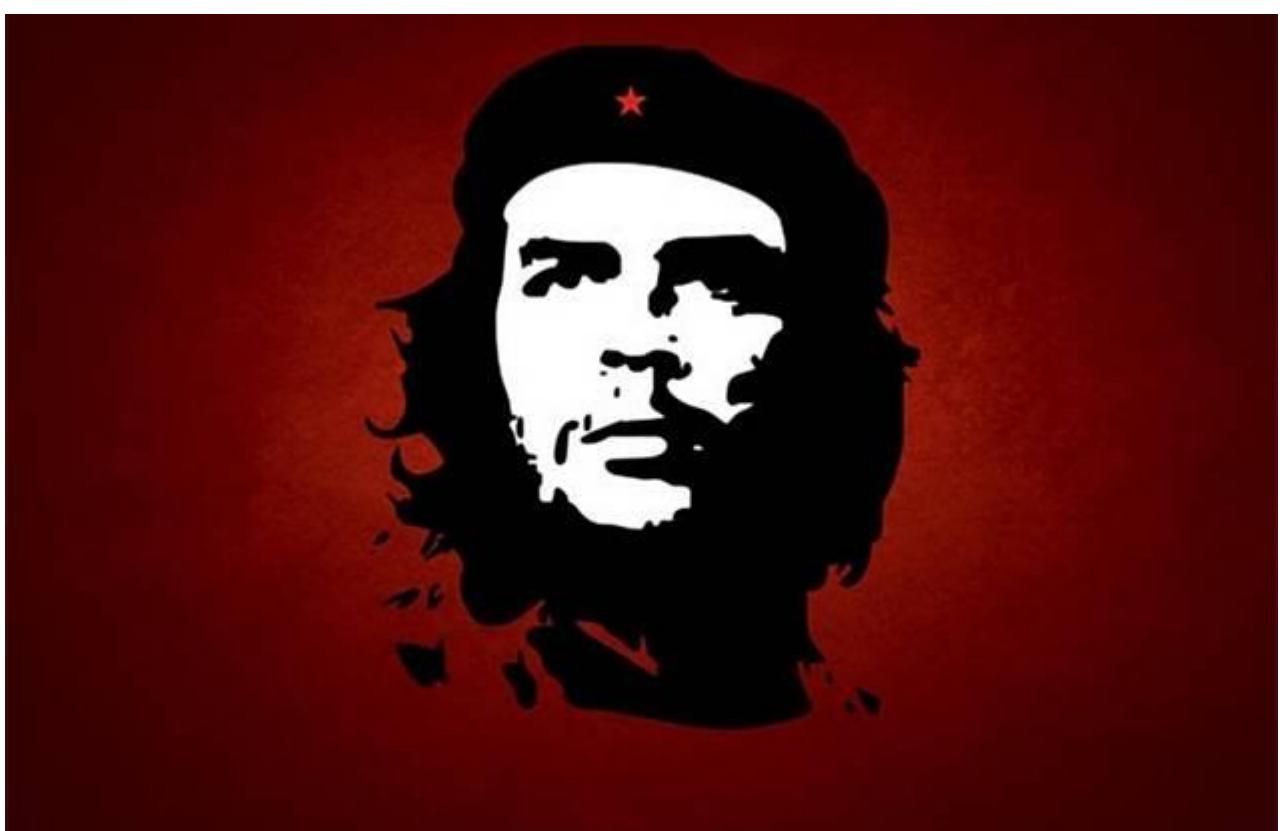
Запомним песчаные пляжи,
Шум пальмы и тихий прибой.
Мы с палубы Кубе помашем,
И взоры направим домой.

Прощай Варадеро, Карибы,
Солдатская роба моя.
Я знаю, друзья, что не жить мне без Кубы,
Как Кубе не жить без меня!

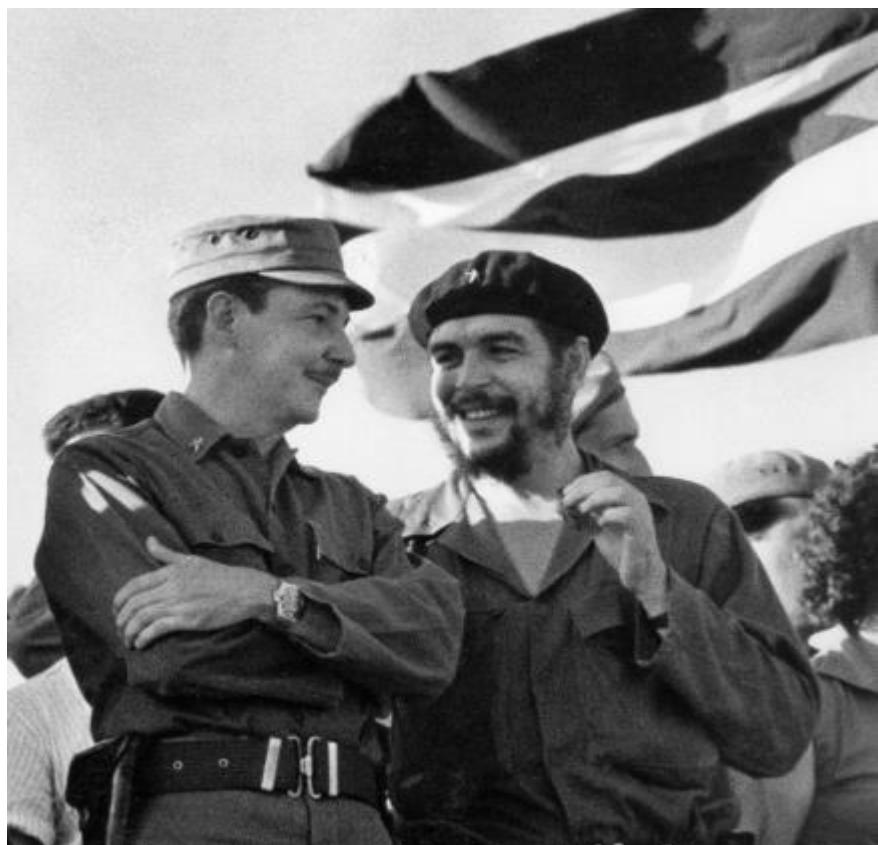
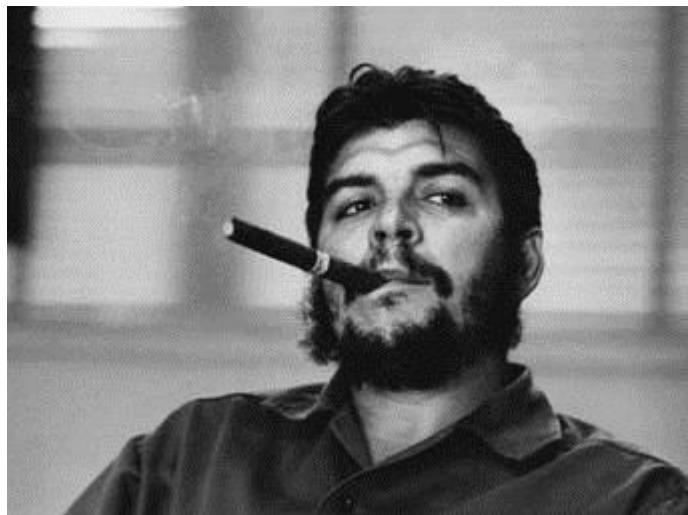

Иллюстрация: persons-info.com

Рауль Кастро и Че Гевара

Часть 6

Встреча через 45 лет.

Рядовой взвода связи 5 ОТБ Емельянов Е.Г и командир 2 танкового взвода
5 ОТБ 7 ОМСБ ст. лейтенант Цап В.П. Кострома.

Не получается встреча с командиром 2-й танковой роты Фадеевым Евгением Петровичем,
он живёт в Челябинске.

Все мы служили в 5ОТБ 1967-1968 годах.
г. Иваново 2011- 2012 г

Встреча с участником операции «Анадырь»

Емельянов Евгений Геннадьевич – Куба 1967-1968 г,
Мартемьянов Валерий Сергеевич - Куба 1962-1964 г
г. Заволжск Ивановской области

**Встречи воинов – ветеранов 7 ОМСБ на Кубе в Москве
2012 год**

Вручение юбилейной медали «50 лет формирования 7 ОМСБ на Кубе»

Знамя 7 ОМСБ, которое впервые вынесено на встречу
воинов-интернационалистов

2013 год

В центре Военный, Военно-морской и Военно-воздушный Атташе республики Куба подполковник **Хосе Антонио Ремон Родригес**.

2014 год

Жигачёв Валерий – командир батареи зенитчиков (Москва), **Иванов Виктор** – ракетный дивизион (Тольятти), **Емельянов Евгений** – 5 ОТБ, взвод связи (Иваново), **Филин Иван** – рядовой ПАХ (хлебопёк) (Москва). (Все те, кто служил в бригаде в 1967-68-69 годах – нас всего четверо осталось)

